

Олег Смыслов

РАССТРЕЛЯТЬ ПЕРЕД СТРОЕМ...

АНТОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Олег Сергеевич Смыслов
Расстрелять перед строем
Серия «Антология предательства»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17128867
Расстрелять перед строем... / Смыслов О.С.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7980-3

Аннотация

Новая книга О.С. Смылова рассказывает о малоизвестных и трагических страницах Великой Отечественной войны – о репрессиях в РККА в военные годы. В центре повествования судьбы генералов и офицеров 1-го Украинского фронта. Автор показывает, как зачастую обстоятельства и незначительные проступки обеспечивали работой военные трибуналы, не знавшие жалости к сослуживцам. Многочисленные документы и свидетельства органично дополняют книгу, формируя образ советских воинов и репрессивных органов СССР в годы войны.

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олег Смыслов

Расстрелять перед строем...

*Светлой памяти ветерана Великой
Отечественной войны, офицера пехоты
Александра Захаровича Лебединцева посвящается*

От автора

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не знакомство с Александром Захаровичем Лебединцевым, председателем Совета ветеранов 38-й стрелковой дивизии и основным автором книги «Отцы-командиры». Состоялось оно в декабре 2005 года, когда Александр Захарович разыскал меня по служебному телефону.

С этого момента все последующие три года до его смерти, как всегда неожиданной, мы часто встречались или же подолгу общались по телефону, когда кто-то из нас был сильно загружен делами.

Александр Захарович был очень активным человеком и ветераном, и собеседником. Его цепкая память сохранила превеликое множество эпизодов той войны. Он мог детально рассказывать о боях и походной жизни бойцов и командиров матушки-пехоты.

Но красной линией в его рассказах очень часто звучала январская трагедия 1944 года, когда его 38-я стрелковая дивизия вместо наступления сначала попала под сильнейший контрудар немцев, а затем оказалась в окружении. Командир дивизии полковник Коротков вскоре был обвинен в измене Родине и расстрелян перед строем.

Александр Захарович часто просил меня когда-нибудь написать об этой истории отдельную книгу, и, прекрасно зная о том, что дело Короткова до сих пор является совершенно секретным, он был убежден, что мне обязательно удастся в ней разобраться.

На каждую встречу ветеран обычно приносил мне редкие книги, статьи, публикации и даже копии документов. Только потом я понял, что все это делалось с одной целью – убедить меня в необходимости заняться этой темой...

И сегодня я выполняю просьбу А.З. Лебединцева.

Глава 1

ГИМО СССР (1960—1970-е годы) и одни мемуары

1

Александр Захарович свою, что называется, дембельскую службу проходил старшим инспектором оперативно-планового отдела Главной инспекции Министерства обороны СССР. Перевелся он туда в 1969 году из Управления боевой подготовки Группы советских войск в Германии. Но так как место было не просто «блатное» – Москва, но еще к тому же и ГИМО СССР, то ему не раз приходилось одаривать заграничными подарками своего знакомого из Главного управления кадров. Однако место и должность того стоили.

Кабинет был небольшим: два сдвинутых стола, несколько допотопных телефонов, два мощных стальных сейфа для документов, казенные старенькие шкафы, крашеные стены, на которых в гордом одиночестве возвышались генеральный секретарь ЦК КПСС, министр обороны и карта СССР, самая обыкновенная люстра, паркетный пол, – словом, никаких излишеств. Рассчитан он был на двух офицеров в звании полковника.

До Александра Захаровича в этом казенном «жилище» в установленное служебное время обитал точно такой же старший инспектор, без особой суеты ожидавший законной пенсии. Но ему пришлось уволиться несколько раньше запланированного им времени. И вот почему.

В то время Главным инспектором Министерства обороны СССР, а точнее, «вечным Главным инспектором», был Маршал Советского Союза К.С. Москаленко (с 1962 г. по 1983-й). И вот однажды он решил написать свои мемуары. Написано их было уже превеликое множество. Наступил и его черед. А уж рассказать маршалу было что: в Красной Армии он служил с 1920 года, где прошел все ступени, от командира огневого взвода артиллерийской батареи до начальника артиллерии корпуса. В 1940-м стал генералом. В войну командовал последовательно 1-й артиллерийской противотанковой бригадой РГК, стрелковым и артиллерийским корпусами, общевойсковыми армиями. Выслуги, как говорится, «столько не живут», да и в маршальском звании выслуга немалая: на 1970 год пятнадцать календарей стукнуло.

О таком боевом пути писать нужно однозначно и бесповоротно. Но как, если всю жизнь командовал, рос в званиях и должностях, воевал, побеждал, а за партией последний раз сидел в 1939 году, да и то на факультете усовершенствования высшего командного состава Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского. До этого в 1928 году на курсах усовершенствования командного состава артиллерии РККА. И самый первый раз в 1922-м на артиллерийском отделении школы червонных старшин. И вот прикинул маршал, что самому никак не написать: нет ни божьего дара, ни времени, ни здоровья, ни сил. Но слышал он, что в таких случаях авторы будущих мемуаров обращаются к талантливым и подготовленным в этом плане людям. Те собирают материал и пишут за авторов однотомные, а если надо, то и многотомные воспоминания. Словом, насколько хватит этого самого материала.

Почти точно также поступил и маршал Москаленко. В один прекрасный или не очень прекрасный день он вызвал к себе старшего инспектора и предложил ему поработать над своими мемуарами. Не молодой уже полковник, прекрасно понимая, что просьба маршала звучит как приказ, а его выполнение связано с титанической и абсолютно не желаемой для него работой, тут же заявил, что собирается уходить в отставку. После недолгого разговора маршал и полковник расставили все точки над «и». Последний увольнялся на пенсию

гораздо быстрее, чем этого ему хотелось, а первый попросил подыскать ему более сговорчивого офицера, который мог бы беспрекословно справиться с задачей написания его мемуаров.

Именно таким человеком оказался сосед Александра Захаровича по кабинету. В Главную инспекцию его перевели из Центрального архива Министерства обороны, дали полковника, хороший оклад (что-то в районе командира корпуса), квартиру в Москве. Но самое главное – у него был опыт архивной работы, возможности быстрого поиска документов и, безусловно, желание. Естественно, своими прямыми обязанностями по должности он не занимался. Звали его Иван Дмитриевич. На момент появления Александра Захаровича он уже завершил работу над первой книгой мемуаров маршала и приступил к работе над второй.

2

Официальный автор мемуаров – человек, безусловно, заслуженный, дважды Герой Советского Союза, причем если одну Золотую Звезду он получил в 1943-м, то вторую в 1978-м, к юбилею Вооруженных Сил. Но какая нам разница теперь? Заслуги-то были.

Другое дело – возраст, давно уже как пенсионный. А маршалы, как известно, умирают на службе. Не важно, скучная она или не очень, все же какая-то работа, продлевающая жизнь. Вот и маршал Москаленко каждое утро просыпался в одно и то же время, умывался, неизменно надевал военную форму со всеми атрибутами маршала, завтракал, потом спускался на лифте, выходил на улицу, садился в заднюю дверь черной «Волги» и выезжал напрямик к себе в Главную инспекцию.

Александр Захарович был человеком наблюдательным и не мог не отметить, что маршал ни на одном из партсобраний не выступал, перед инспектированием проводил инструктажи по «шпаргалке», написанной все тем же оперативно-плановым отделом. А особенно старший инспектор любил вспоминать одну из проверок июня 1971 года:

«Министр обороны решил произвести инспектирование НИИ Ракетных войск и ГУКОСа, так как эйфория по поводу нашего первенства в космосе была побита высадкой американцев на Луне и благополучным возвращением их астронавтов на Землю. Я попал в команду генерал-лейтенанта Рыжкова в качестве начальника-штаба группы в НИИ ГУКОСа.

На заслушивание доклада начальника института – генерал-лейтенанта, доктора наук и лауреата Ленинской премии – прибыл Москаленко. Он сразу задал вопрос, почему мы не смогли не только опередить американцев, но еще и не готовы к этому. Начальник очень невнятно обещал ускорить, но маршал махнул рукой и удалился. Когда мы остались наедине, я спросил: Так почему же она не стреляла? – Знать, не заряжена была, – ответил он, закуривая и волнуясь. Успокоившись, он указал на рядом сидевшего генерал-майора, тоже доктора наук, лауреата Госпремии, и сказал: «Это мой заместитель по науке, он вместе со мною являлся основателем и руководителем этого НИИ. Защищался, стал генералом. В НИИ только две генеральские должности. Но Главкому РВСН маршалу Н.И.Крылову захотелось своего сына, полковника автомобильных войск сделать генералом. Добился введения в этом институте никому не нужного заместителя начальника по общим вопросам в генеральском звании. А так как по штатному расписанию им полагалось только два генерала, то должность заместителя по науке свели до полковничьей, утешая первого, что он ничего не теряет ни по должности, ни в окладе. Так и сделали.

Отставание он объяснил тем, что больше половины научных работников из 200 по штату совершенно не способны к научной работе и попали в институт таким же путем, как маршальский сын. Многие даже на папиных служебных лимузинах приезжают на службу, на которой только и способны на “подай-принеси”, да во время обеденного перерыва забивать мяч. Отдачу дают только капитаны и майоры. Одному капитану по значимости канди-

датскую диссертацию засчитали как докторскую. Если бы моя власть, я бы оставил только одну четверть, повысил им зарплату, и наука двинулась бы вперед.

Маршал Москаленко, выслушав наш доклад, приказал непременно отметить этот факт в акте. Но когда начали составлять представление министру обороны, то он исключил соответствующую фразу, заявив: “Что ж, если отец – маршал, так его сыну и генералом не быть?” О научных сотрудниках и комментировать не стал, посчитал это излишним. Кстати, именно во время нашей проверки нас разбудили на рассвете и пригласили в ЦУП для демонстрации возвращения на землю троих космонавтов. Сначала прекратилась с ними радиосвязь. Объяснили, что спускаемый аппарат зашел за “шарик”, потом высказали версию, что сгорели антенны в плотных слоях атмосферы, и предложили идти “досыпать”. После завтрака, уже на проходной, узнали о трагической судьбе троих космонавтов из-за разгерметизации люка спускаемого аппарата».

3

В 1995 году генерал-лейтенант В.Н. Котов опубликовал свои мемуары «Память и боль: Невостребованные откровения офицера Генерального штаба». В этих «Невостребованных откровениях» он вспоминает о многочисленных встречах с видными военачальниками. Одним из них оказался и Маршал Советского Союза К.С. Москаленко:

«В салоне самолета генерал армии С.М. Штеменко, начальник Главного штаба ОВС. В полете он обязательно беседовал по душам. Сергей Матвеевич первым делом справился о делах Генштаба, где он долгое время работал на различных должностях, в том числе в годы Великой Отечественной. Как бы мимоходом спросил о том, посмотрели ли мы те документы, которые подготовлены нашим членом Военного совета ОВС маршалом Кириллом Семеновичем Москаленко, точнее, Главной инспекцией Министерства обороны, генеральным инспектором которой он считался, одновременно исполняя обязанности заместителя министра обороны.

Москаленко – известный военачальник Великой Отечественной войны. Правда, воинские звание маршала было присвоено ему в последнее время как-то неожиданно и загадочно для многих. Знаток военного дела и войсковой службы. При инспектировании частей был всегда строг и придирчив. Однако и у него были свои особенности».

«На Военном совете в Будапеште обсуждение и принятие решения по вопросу о разведке прошли гладко, если не считать того, что маршал Москаленко то порывался несколько раз взять на себя обязанность прочесть текст, то передавал его разведчику, генерал-лейтенанту Ткаченко. А все дело было, как выяснилось, в мелком тщеславии. Очередность выступления, как и размещение делегаций за столом заседания, осуществлялась в алфавитном порядке – болгарская Народная армия, венгерская Народная армия, национальная народная армия ГДР, Войско Польское, румынская Народная армия, Вооруженные Силы Советского Союза и чехословацкая Народная армия. Замыкал весь этот строй штаб ОВС. Ранг выступающего от нашей делегации определялся так: если выступали от других армий заместители министров или начальники генеральных (главных) штабов, то Москаленко считал своей обязанностью докладывать на Совете, если выступали рангом ниже, то от нашей делегации выходил на трибуну равный по должности.

Но так как на этот раз ораторы выступали вразброс, словно карты в колоде, то Кирилл Семенович то “подгребал под себя” материалы, собираясь выступить, то отодвигал их к Ткаченко, давая понять, что тот должен пойти с текстом на трибуну. Наконец слово представили главе румынской делегации, генерал-полковнику Николеску. Тогда маршал Москаленко, выхватив текст, направился к трибуне, встретившись добрым взглядом с главой румынской делегации: знаем-де, кому и в каком ранге произносить речь.

Но не успел он прочитать последнее слово на высокой ноте, как Якубовский объявил выступающего от чехословацкой армии в звании... генерал-майор. Кирилл Семенович, как-то осуждающе глянул на Главкома, сошел с подставки трибуны, пользуясь ею из-за малого роста. Самолюбие его было уязвлено...

А к вечеру обширный номер маршала Москаленко превратился в буквальном смысле слова в базар. Военторг Южной группы войск был, что называется, поставлен на ноги, предлагая свои дары высокому гостю...

«Приземистый ухоженный особняк, с небольшим двориком и скудной зеленью, встретил нас радостно. Взятый из моих рук портфель не оставил сомнений в том, что мне здесь следовало поселиться. Через прихожую, обширный холл меня провели в небольшой кабинет с широким письменным столом и шкафами, заполненными книгами на венгерском языке. Есть ли у меня к нему вопросы, спросил сопровождавший венгр на ломаном русском языке. И, как бы извиняясь, офицер-переводчик сообщил, косясь на другую половину этого обширного коттеджа:

– Здесь будет располагаться также маршал Москаленко. Питаться будете с ним вместе.

Особняк предназначался для главы советской делегации. Но вот почему и меня сюда вселили, было загадкой для всех, кроме меня...

Осмотрел апартаменты, вероятно, не очень состоятельного бывшего венгерского хозяина. Подкатила “Волга”. Из передней двери выскочил полковник, услужливо открывая заднюю дверь, откуда вышел маршал Москаленко. Подойдя к нему, я доложил обстановку. Он снисходительно выслушал, дав понять, что все кончено и мне надлежит оставить его в покое.

– Можете отправляться в гостиницу. До встречи на Военном совете, – сказал он и протянул свою руку.

– Товарищ маршал, но меня разместили здесь. Мне некуда ехать. Так распорядились строители.

– Как так? – удивленно спросил он, смерив меня злым взглядом. Так и ушел он молча к себе, ничего не сказав, вроде бы униженный и оскорбленный тем, что к нему подселили какого-то генерал-лейтенанта, от чего страдало его величие полководца.

Думая, как мне быть в этой дружеской стране в такой обстановке, пошел на свою половину. Услышав звон посуды, легкие вкрадчивые шаги обслуживающего персонала и какие-то команды полковника Д., поспешил помыть руки, чтобы не опоздать к обеду. Но что-то щемило на душе. Не к добру было молчание маршала при встрече. Но все равно надо обедать. Однако на обед меня не пригласили. Значит, о том было указание Москаленко. Унизительно и оскорбительно было наблюдать проявление столь мелкого самолюбия главы делегации. Трапеза между тем закончилась. И он ушел к себе, так как наступило время “адмиральского” часа. И только после этого раздался стук в дверь. Венгр приглашал в столовую. Отказаться было неудобно.

Это была какая-то месть или желание выжить меня из особняка. Но куда выехать, если строители распорядились так...

К парадному подъезду, лаская асфальт резиной и шипя, подкатила машина. Надо было отправляться в город для участия в протокольном ритуале возложения венков...

...По устойчивой армейской традиции младший по званию и должности должен ожидать старшего. Выхожу во двор раньше. Жду маршала с надеждой на его приглашение сесть в машину. А если откажет – придется ждать другую машину.

Выход Москаленко обставляется с большой помпой. Сначала выскакивают порученцы и адъютант с озабоченными и тревожными лицами, отрывисто переговариваясь и загадочно переглядываясь. Заглядывают в дверь, как ошпаренные, отскакивают: идет, идет!.. С мыслями о том, посадит ли он меня в свою машину и на чем мне добираться в противном случае,

стою и я. Маршал небольшого роста, с бледным лицом, бесцветными глазами, блуждающим взглядом, согбенный.

Услужливо распахнулась дверца, его величественно усадили. Недовольно фыркнула мотором машина и выскочила из ворот...

С чувством обиды и досады перед таким явным барством поплелся к себе, чтобы вызвать машину. Оказалось, что протоколом мое место определено в машине вместе с Москаленко. Чтобы не выставить себя и маршала в невыгодном свете, объяснил, что, мол, опоздал с выездом. И пока на другом конце искали выход из создавшегося положения, вернулся переводчик и пригласил поехать вместе с ним в его машине. Он, венгерский офицер, никак не мог понять всю нелепость поведения нашего маршала...

Во второй половине дня началось заседание Военного совета. Главком ОВС В.Г. Куликов чеканным, командирским голосом, посматривая в лежащий перед ним текст, с большими полями, с ударениями в словах, объявил о начале работы. Как ни странно, мое место рядом с Москаленко, обозначенное табличкой, оказалось не занятым. Подумал, что и здесь он постарается отдалить от себя Генеральный штаб, посадить сюда своего порученца. Но тот сидел во втором ряду, хотя ему вообще не положено было здесь быть.

Сел рядом, но со стороны насупленного, чем-то недовольного Москаленко не удостоился даже взгляда.

В первый же перерыв Москаленко подошел к Главкому и стал втолковывать ему что-то, как мне показалось, касающееся меня, так как смотрел в мою сторону.

Вскоре этот странный случай стал известен другим делегациям, вызвав всеобщее недоумение. К моему удивлению, мне высказывали сочувствие члены болгарской, чехословацкой, немецкой и польской делегаций, знавшие меня по совместной работе по перевооружению их армий.

Как мне рассказал Анатолий Иванович Грибков, действие разыгрывалось прямо-таки по законам драматургии, с завязкой и развязкой. Сначала Куликов позвал своего начальника штаба и справился у него, кто занимается размещением делегаций. Тот, естественно, ответил, что размещением и обеспечением всем необходимым для работы занимается та страна, в которой проводится заседание Военного совета. В данном случае за это отвечала венгерская Народная армия, точнее – ее Генеральный штаб. Штаб ОВС к этому отношения не имел.

Пригласили венгерскую сторону в лице государственного секретаря по оборонным вопросам генерал-полковника Чеми Кароя. Тот сказал, что они при размещении делегаций исходили лишь из обыкновенного уважения к советскому Генеральному штабу, в частности, к его представителю – заместителю начальника Главного оперативного управления. Ну и, конечно, думали об удобстве работы главы делегации, у которого был бы рядом представитель Генерального штаба.

Как мне потом доверительно сообщил Грибков, Москаленко в возбужденном состоянии бросил в лицо Куликову: “Вы что, приставили шпионить за мной Генеральный штаб?!”

И Главком не устоял, заколебался, попросив Грибкова поговорить со мной. Но тот решительно отказался идти на мелкие поблажки маршалу. Тогда Куликов обратился к венгерской стороне с просьбой перевести меня в другое место. Дело было за тем, какую форму для моего выдворения найти.

До вечера на Совете просидел рядом с Москаленко, ни разу ко мне не повернувшись, не проронившим ни слова. Только насупленный взгляд да неподвижное лицо выдавали его недовольство.

На Совет в качестве информации выносился вопрос деятельности НАТО. Согласно предложенной ранее повестке, он не подлежал обсуждению и лишь принимался к сведению. Однако совершенно неожиданно попросил слово от болгарской Народной армии гене-

рал-полковник А.Г. Семерджиев. И после его выступления завязались обсуждение и дискуссия. Не отстали от него венгры, немцы, поляки...

Разумеется, у Москаленко не было никакой заготовки для выступления по такому вопросу, и он с недоумением стал смотреть по сторонам, как бы ища сочувствия, но не обращая внимания на меня. На всякий случай, если предложат выступить мне, я тут же стал набрасывать для себя тезисы выступления.

На трибуну между тем вышел глава румынской делегации Николаеску. Очередь – за Москаленко. Натужно выкарабкиваясь из кресла, он подошел к Куликову, и оттуда донесся шепот: как же так – обсуждение не предусмотрено планом и нет никакого заготовленного текста. Слышалось настойчивое возражение Главкома... И только тут, сев на место, маршал наконец-то повернул голову в мою сторону и увидел придвинутый листок с тезисами, которые он стал переносить к себе.

На трибуну он шел, видимо, как на эшафот. Его голос то падал до шепота, то вдруг взрывался под недоуменные взгляды присутствующих, особенно представителей братских армий. Отчетливо слышались лишь обращения к залу: «Товарищи генералы и офицеры, товарищи члены Военного совета...» Но далее ничего, ровным счетом ничего невозможно было разобрать. Вряд ли он и сам что-то понимал из переписанных наскоро тезисов, ведь без написанного текста он выступать, по-видимому, не привык.

В перерыве маршал Москаленко подошел ко мне и справился, как я устроился на новом месте. На это я ничего ему не ответил, тем самым дав понять, как я отношусь к нему.

По возвращении в Москву тотчас же доложил начальнику Главного оперативного управления генерал-полковнику С.Ф. Ахромееву весь ход заседаний Военного совета, не преминув сообщить о казусе с размещением представителя Главного управления и об отношении маршала Москаленко к Генеральному штабу вообще».

4

В отличие от множества других мемуаристов генерал армии А.В. Горбатов свои собственные писал простым карандашом и, как правило, на обороте листов, уже заполненных машинописным текстом. Да и появился он в редакции «Нового мира» с рукописью несколько необычно для своего воинского звания.

«Бывало, появлению самого предшествовала вереница адъютантов, порученцев, вестовых, передававших красиво оформленную рукопись, – пишет о знакомстве сотрудников «Нового мира» с Александром Васильевичем В.Я. Лакшин. – А случалось, именитый чинами и заслугами автор так и не переступал порога редакции: подтянутые лейтенанты или аккуратные майоры, отдавая честь, заезжали за версткой, спустя день-два привозили ее назад, а по выходе номера появлялись за авторскими экземплярами. Вот и все общение с авторами».

Сам А.Т. Твардовский восторженно говорил о Горбатове: «Какая судьба! Какой нравственный человек!»

С октября 1941 года по июнь 1942 года автор мемуаров «Годы и войны» командовал 226-й стрелковой дивизией, участвовавшей в боевых действиях на Украине. Дивизия отступала к Харькову. Там же, под Харьковом, недавно возвращенный с Колымы генерал вступил в конфликт с новым командармом Москаленко. Тем самым, который впоследствии станет маршалом. Вот как об этом вспоминает сам генерал армии Горбатов:

«В день наступления была необычно сильная по этим местам пурга, в двадцати метрах ничего не было видно. Командиры взводов не видели своих людей, роты и батальоны были не управляемы, поэтому наступление у нас и у соседей не увенчалось успехом. В восемнадцать часов я доложил командарму о неудаче.

– Кому вы служите? – спросил в ответ командарм.

– Служу советскому народу и нашей партии, товарищ генерал, – ответил я. – Разрешите мне доложить свое мнение...

– Короче! Что вы предлагаете? – перебил меня командующий. – Отменить наступление вашей дивизии?

– Нет, я не этого хочу, – ответил я и продолжал: – Противник, имея стрелков и пулеметчиков в каждой из ста пятидесяти хат на фронте в два с половиной километра, занимает очень выгодное положение, а мы будем вынуждены подставлять себя под огонь. Поэтому наступление в лоб на этом участке нецелесообразно. Сомневаюсь, чтобы мои соседи своими силами овладели Рубежным и Старым Салтовом.

– Вы очень плохого мнения о своих соседях, посмотрите лучше на себя, – заметил командарм.

Я продолжал, не обращая внимания на этот выпад. Предложил сначала усилиями двух дивизий – правого соседа и нашей – овладеть одним Рубежным...

После небольшой паузы услышал:

– Не возражаю, договоритесь с Тер-Гаспарьяном, только не тормозите выполнение моего общего приказа.

Окончив разговор, я был в недоумении: почему такой тон, почему оскорбления? Ведь командующий меня совсем не знает, только позавчера мы прибыли в его подчинение...

Как я и ожидал, с командиром 227-й стрелковой дивизии мы легко договорились о совместных действиях против Рубежного. 8 марта занимались перегруппировкой. На следующий день, начав наступление, заняли лишь пятнадцать хат в Рубежном, но к двенадцати часам следующего дня с помощью двух танков дошли до середины села.

Когда мы дрались у церкви, я, находясь в то время в ста метрах от нее, получил неожиданную и чувствительную пощечину. Мне принесли два документа за подписью Военного совета армии, в которых явно несправедливо оценивались действия нашей дивизии.

Наскоро ознакомившись с этими документами, я вернул их привезшему и приказал ему ехать обратно. Перебирая в памяти только что прочитанное, я вспомнил и вопрос: “Кому служите?” Но от мыслей об этих незаслуженных оскорблениях меня отвлекли вражеские пули и снаряды.

Вечером я донес о результатах двухдневного наступления и потерях. При этом обратил внимание командующего на то, что до нашей дивизии здесь десять дней подряд вели наступление другие соединения и ничего не добились. Отсюда сам собою напрашивался вывод о нецелесообразности дальнейших атак на этом направлении. Но в тот же вечер мы получили приказ, в котором снова в грубой форме обвинялись в якобы неправильных действиях».

Одна из самых честных книг воспоминаний военачальников о войне, рукопись Горбатова не могла безболезненно пройти военную цензуру и, конечно же, миновать мемуарную группу Главного политуправления. В 1964 году «Новый мир» опубликовал журнальный вариант воспоминаний А.В. Горбатова, получивший с легкой руки Твардовского название «Годы и войны». В 1965 году эту книгу издал Воениздат. Несмотря на огромный читательский успех книги, переиздана она была только в 1989 году.

В самом первом издании книги «Годы и войны» командарм К.С. Москаленко был назван без указания фамилии, просто «командармом». И, видимо, в том числе потому, что маршал Москаленко тогда возглавлял Главную инспекцию Министерства обороны, был заместителем министра обороны СССР.

Вот как выглядит следующий отрывок из книги генерала армии Горбатова с купюрами:

«В тот же вечер я позвонил Маршалу Советского Союза Тимошенко и попросил его вызвать меня к себе вместе с командармом, чтобы в его присутствии объясниться. Через несколько дней, отправившись к главкому, я взял с собой семь приказов, выпущенных штабом армии за последние десять дней, в которых все командиры и комиссары дивизий полу-

чили взыскания. Иные из них за этот период имели уже до четырех взысканий и предупреждений.

Решил рассказать Военному совету фронта все по порядку, начиная с бесцельных, беспрерывных атак на одни и те же пункты в течение десяти—пятнадцати дней при больших потерях.

Главком выслушал меня очень внимательно и, обращаясь к командарму, сказал:

— Я же вас предупреждал, что грубость ваша недопустима, но вы, как видно, не сделали нужного вывода. Надо с этим кончать.

А мне он посоветовал не горячиться, расспросил о состоянии дивизии и разрешил ехать к себе.

За все это время командарм не сказал ни слова. Когда я уезжал, он остался у главкома. О чем они говорили — гадать не берусь. Однако после этого объяснения оскорбительных приказов стало заметно меньше».

А вот что писал А.В. Горбатов в подлиннике, которому бояться уже было нечего да и некого:

«Решил рассказать Военному совету фронта все по порядку, начиная с бесцельных, беспрерывных атак на одни и те же пункты в течение десяти—пятнадцати дней при больших потерях.

Когда я вошел к маршалу Тимошенко, в комнате были член Военного совета Н.С. Хрущев, начальник штаба И.Х. Баграмян и командующий 38-й армией К.С. Москаленко. После того, как я представился и поздоровался, главнокомандующий юго-западным направлением Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко спросил меня:

— Ну, рассказывайте, что вы там не поделили?

Доведенный оскорблениями до белого каления, в запальчивости я, показывая рукой на командарма, ответил:

— Это не командарм, это бесплатное приложение к армии, бесструнная балалайка.

Ко мне подошел Н.С. Хрущев и, положив на мое плечо руку, укоризненно сказал:

— Товарищ Горбатов, разве можно так говорить о командарме, да еще во время войны?

— Товарищ генерал, — ответил я Хрущеву, — прошу меня извинить за резкость, но то, что я сказал, я доложил Военному совету фронта в присутствии командарма, а не шепотом на ухо кому-то на базаре.

Хрущев посмотрел на главкома, а затем вновь с вниманием выслушал мои взволнованные слова:

— Больше терпения нет, товарищ член Военного совета. Я сказал то, что думаю. За 5 дней наши дивизии захватили не одну сотню пленных, десятки орудий и минометов, и все потому, что действовали по своей инициативе, вопреки приказам командарма. Все руководство командарма заключается в самом беспардонном отношении к подчиненным. Мы только и слышим: “Титлеру помогаешь, фашистам служишь, предатель!” Надоело слушать и бесконечную брань. Неужели командарм не понимает, что своим повелением не мобилизует подчиненных, а только убивает их веру в свои силы? Подобные оскорбления я слышал в Лефортовской тюрьме от следователя и больше слушать не хочу. Сначала я думал, что командарм позволяет себе так разговаривать только со мной, недавно прибывшим с Колымы. Но это трафарет и применяется к каждому из подчиненных. Все мы честно служим и будем служить нашей Родине и партии, но незаслуженная ругань на любого человека действует отвратительно. Прошу оградить от нее, так как она наносит колоссальный урон нашему делу.

Главком выслушал меня очень внимательно и, обращаясь к командарму, сказал:

— Я же вас предупреждал, что грубость ваша недопустима, но вы, как видно, не сделали нужного вывода. Надо с этим кончать...» (А.В. Горбатов. Годы и войны. Записки командарма. 1941—1945.)

Не всегда правда на этой земле торжествует. Но Александру Васильевичу Горбатову крупно повезло. На его пути оказывались люди, которые увидели в нем честного человека и грамотного военачальника. И эти люди не дали его в обиду. В армии вообще, а на войне в частности, нередко трудно найти правду. И там с избытком хватает чинуш и карьеристов в самом плохом понимании этих слов. Однако во все времена судят по делам. А.В. Горбатов с 3 июня 1943 года и до самого конца войны успешно командовал 3-й армией. Летом 1944 года ему было присвоено воинское звание «генерал-полковник», а в апреле 1944-го его удостоили звания Героя Советского Союза.

Кирилл Семенович Москаленко также закончил войну в звании генерал-полковника. Точно также командующим армией и Героем Советского Союза. Но между этими людьми легла целая пропасть...

Даже в наградном листе командующий войсками 1-го Украинского фронта И.С. Конев подчеркивал, что командующий войсками 38-й армии «генерал-полковник Москаленко – волевой и решительный командир. Много работает, не считаясь со временем и своим здоровьем. Тактически грамотен. Лучше умеет наступать, чем обороняться. При осложнении обстановки мало устойчив...»

Об Александре Васильевиче Горбатове в наградных представлениях вы таких слов не найдете!

5

В своих воспоминаниях, широко известных под названием «Время. Люди. Власть», Н.С. Хрущев, видимо, совершенно случайно коснулся и военных мемуаров. Запись была сделана на магнитофонную пленку в 1969 году, а сама книга появится лет через тридцать.

Никита Сергеевич в отличие от других чаще говорил то, что думает. И в этой записи он откровенен, может быть, как никогда:

«Несколько дней назад я совершенно случайно встретился с Иваном Христофоровичем Баграмяном. Мне было очень приятно его повидать. Ведь я уже много лет не видел его. Накоротке мы обменялись с ним различными мнениями. Неожиданно он поднял вопрос о книге мемуаров Жукова, высказал ряд замечаний и заявил, что в ней допущены очень большие искажения и отступление от истины. Тут же он сказал, что написал воспоминания и маршал Москаленко, причем написал просто гадкую книгу. Я не стал его выпрашивать и как-то уточнять, в чем же выражается эта гадость. Но вообще-то Москаленко может такое сделать. Я его знаю и с хорошей, и с плохой стороны. С хорошей знаю в том смысле, что он человек, преданный делу, воевал неплохо, проявлял настойчивость и энергию, не щадил себя. Плохие его стороны – нервозность, неуравновешенность, вспыльчивость, грубость, даже больше, чем грубость. Оскорбления, которые он наносил своим подчиненным, всем известны. Люди, которые находились у него в подчинении, неоднократно жаловались мне на то, что он груб, оскорбляет их. Вот его обычный лексикон: “Враг народа! Предатель! Подлец! Судить надо! Расстрелять надо!” Это человек настроения, который очень поддается влиянию. Он на все способен. Особенно если почувствует, что это выгодно для него, что такая гадость как-то оплачивается, то он пойдет на нее.

Его беспринципность особенно поразила меня во время истории с отставкой Жукова в 1957 году. Я с доверием относился к Жукову во время войны и многое сделал для поднятия его репутации и авторитета в глазах Сталина. Когда в 1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с

его солдатской прямоотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: “Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!”

Когда я услышал это, то был поражен. Такого я никак не ожидал от Москаленко. Жукову не было смысла лгать. Да и Москаленко никак не смог парировать такое серьезное обвинение, фактически в государственной измене. Когда я рассказал об этом Малиновскому, Малиновский по собственной инициативе внес предложение об освобождении Москаленко от занимаемых постов.

Но я сказал: “Родион Яковлевич, вряд ли нужно так поступать. Это же Москаленко! Если будет нормальная обстановка (а я был уверен, что она нормализуется), то Москаленко станет честно выполнять свои обязанности...”

Это я рассказал, чтобы показать, кто есть Москаленко. Существуют несколько Москаленко. Один – это генерал, который честно командовал войсками, попадая во всевозможные переплеты на первом этапе войны. Затем он командовал армией, и его активная роль была заслуженно отмечена. Я лично вносил предложение о присвоении ему, уже после смерти Сталина, звания Маршала Советского Союза. Другой Москаленко – настоящий истерик. Я уже рассказывал анекдотический случай, как при нашем отступлении его выгнала колхозница из своего коровника, где он прятался, переодевшись в крестьянскую свитку, и он, сам украинец, выступил после этого против украинцев, кричал, что все они предатели и всех их надо выслать. Вот неуравновешенность этого человека.

А есть и третий Москаленко – приспособленец, алогичный и беспринципный человек. Таким он показал себя в деле с Жуковым. Но в чем конкретно выражалась та гадость, о которой говорил Баграмян, я не знаю».

6

Находясь в одном кабинете и сидя напротив друг друга, два полковника не только занимались каждый своей работой, но и, конечно же, беседовали. Александр Захарович прекрасно знал, что Иван Дмитриевич готовит рукопись второй книги мемуаров маршала Москаленко. Для этого он работал с архивными материалами из ЦАМО по 38-й, 27-й и 40-й армиям и Воронежского, а после 1-го Украинского фронта. И вполне естественно, что даже, несмотря на их секретность, в порядке исключения некоторые оперативные документы фронта и армий хранились в его сейфе.

Бывало, Иван Дмитриевич отвлечется от своей кропотливой работы и поинтересуется у Александра Захаровича:

– Саша, а ты, случаем, не помнишь погоду и проходимость дорог в те дни?

А речь шла как раз о тех днях, когда стрелковая дивизия Александра Захаровича, в одном из полков которой он был помощником начальника штаба, участвовала в зимнем наступлении 1944 года, которое оказалось для нее катастрофическим.

Отвечая на некоторые специфические вопросы Ивана Дмитриевича, Александр Захарович, кроме погоды и проходимости дорог, рассказывал летописцу маршала и многие другие вещи, о которых не мог забыть до самой своей смерти.

Надо сказать, отличался полковник не только прекрасной памятью, но и прекрасными способностями рассказчика.

– Наша 38-я стрелковая дивизия в первый бой после реформирования пошла под Сумами в 1943 году. Требовалось прорвать немецкую позиционную оборону на второстепенном направлении. Наступали без артиллерии РГК, без танков и авиации. После 15-минутного артналета. За два дня безуспешных действий двух полков (третий был в резерве комкора) мы потеряли убитыми 431 человека и ранеными 1516, из них 285 офицеров...

...В ночь с 23 на 24 сентября 1943 года дивизия успешно форсировала Днепр и захватила плацдарм в районе большой излучины, который стал именоваться Букринским. Сначала всех офицеров наградили орденами, а солдат и сержантов орденами и медалями. Потом приказ: представить 50 человек к званию Героя Советского Союза. Представляем, конечно, тех, кто отличился и уже был награжден. Но командарм дает героизм только 16, а остальных снова награждает орденами Красного Знамени или Отечественной войны 2-й степени (теперь уже вторично). Таков был «размах». Всех отметили, кроме... командира дивизии и начальника штаба. Хотя оба они переправлялись с полками на плацдарм. У нас там за 40 суток боев только погибших было свыше 300 человек...

...4 ноября нашу дивизию вывели из боя, дали пополнение, переодели в зимнее обмундирование... и тут же приказали всю пехоту передать в другие дивизии, а нас вернули на левый берег на доукомплектование. Но взят Киев, и нас снова переправляют на западный берег и сажают в оборону без стрелков и пулеметчиков. Офицеры подстелили на снег соломки, установили пулеметы и «обозначили» оборону.

9 ноября – приказ: мобилизовать всех военнообязанных в прилегающих селах, вооружить и в своей одежде отправить в окопы... Кто и о чем думал, когда приказывал передать личный состав 38-й сд в другие дивизии, а затем так ее пополнять? Загадка до сегодняшнего дня.

– И что же дальше? – заслушавшись собеседника, спросил Иван Дмитриевич.

– А дальше было следующее. 28 декабря 38-я сд участвует в наступлении. Только в одном нашем полку были убиты 75 и ранены 265 человек. Жены и родственники тут же собрали тех и других на саночки и увезли по домам, многих даже в своих жупанах. Погибших хоронили на родных погостах, раненых лечили местные врачи. Справа танковые части пробиваются с боями на Белую Церковь, а мы слева обеспечиваем их фланг. День лежит наша пехота на снегу, а немцы ведут огонь по ней из окон и с крыш хат. Ночью они отходят на новый рубеж, а мы за ними. Так и догоняли, более ста километров...

На этом рассказчик на мгновение замолк, посмотрел на свои часы и улыбнулся.

– Пора, Иван, собираться по домам, а то что-то мы засиделись.

7

В первой книге мемуаров Маршала Советского Союза К.С. Москаленко «На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма», вышедшей в издательстве «Наука» в 1969 году, есть введение. А в нем, словно в ларце, перечислены все те, кто принимал участие как в ее написании, так и в ее подготовке к выходу в свет:

«Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность за помощь в подготовке этой книги полковнику И.Д. Фосту, генералам и офицерам Военно-научного управления Генерального штаба, Отдела печати Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, Архива Министерства обороны СССР, а также за техническую работу – полковнику П.В. Капитанову, М.М. Афанасьевой и Т.В. Каретниковой».

Неоднократно перечитывая весь список, лично я не нахожу всего одной фамилии...

8

Письмо Маршалу Советского Союза К.С. Москаленко:

«Дорогой Кирилл Семенович, прошу великодушно извинить меня за то, что я так задержал обещанное. Единственная причина – то, что я никак не мог кончить свою книгу из-за огромного объема работы. Каждую неделю казалось, что вот-вот кончу, а практически кончил только три дня назад и лишь после этого сумел сделать обещанное.

Хочу сказать о том, что я сделал и чего не сделал.

В данном случае речь в Вашей работе идет о событиях, которых я самостоятельно не изучал и о ходе которых собственного представления у меня не сложилось. Поэтому я видел свою задачу единственно в том, чтобы в меру своих сил помочь Вам в качестве, если так можно выразиться, литературного редактора. Я с пером в руке прошелся по Вашей рукописи с точки зрения стилистической, имея в виду, что она адресована не только военным специалистам, но и более широкому кругу читателей.

Собственно говоря, Ваша работа распадается на три части. Первая часть. – введение и заключение – связана с общими концепциями предвоенной и военной обстановки и роли Сталина. Вторая часть – история первых боев Вашей бригады – тяготеет к мемуарному жанру. Третья часть – история киевского окружения – представляет собой скорее оперативный очерк событий с использованием целого ряда необыкновенно интересных и значительных документов.

[...]

Работу я Вашу читал с большим интересом. Конечно, многое, связанное с киевским окружением, читать тяжело. Но тут без правды не обойдешься. Да и вообще в конечном итоге нигде и ни в чем не обойдешься без правды. И этой правдой мне и дорога прежде всего Ваша работа. Поэтому я и рад был оказаться Вам хоть в какой-то мере полезным как литератор. Считаю товарищеским долгом высказать Вам некоторые возникшие у меня сомнения и вопросы.

Первое. Документы, связанные с Шапошниковым, конечно, говорят об очень большой мере его ответственности за все случившееся под Киевом. Но для меня лично остается открытым вопрос – состоит ли его ответственность в том, что он сам был от начала и до конца яростным противником отвода войск из киевского мешка, или его ответственность состоит в том, что он целиком подчинил свою волю и свои взгляды на эту проблему воле и взглядам Верховного Главнокомандующего и как начальник Генерального Штаба не сумел убедить Верховного Главнокомандующего в неправильности принимаемых решений.

У Вас получается, что вроде бы Сталин в этом вопросе поддался Шапошникову. Не располагая возможностью доказать обратное, в то же время психологически чувствую, что тут что-то не так. Сталин поддался Шапошникову – мало вероятно. Шапошников поддался Сталину – это более психологически вероятно.

Второе. Почему Тимошенко столь ответственное решение, как решение на отвод войск Юго-Западного фронта, передал Кирпоносу в устной форме через Баграмяна? Вы этого не объясняете. Думая над этим, я пришел к предположению, что, может быть, имея абсолютно жестокую директиву Сталина, запрещающую еще и тогда, 16 сентября, отход войскам Юго-Западного фронта, а в то же время понимая, что каждый час промедления гибелен, Тимошенко, не решившись дать письменную директиву, прямо противоположную директиве Ставки, дал устный приказ Кирпоносу делать то, что все равно придется делать, но не стал закреплять этот приказ в документе.

Может быть, это и не так, но у меня рождается именно такое предположение. В этих условиях, когда командующий направлением, имея полную возможность отдать письменный приказ на отход, отдает вместо него устный, Кирпоносу, конечно, требовалось огромное гражданское мужество для того, чтобы выполнить этот устный приказ, учитывая все предыдущие запреты отхода, шедшие от Ставки.

На фоне всех тех документов, которые Вы приводите, на фоне всего того страшного нажима Ставки на Кирпоноса, который был до этого, запрос Кирпоноса в Ставку после получения устного приказа от Тимошенко кажется мне, в общем-то, естественным. Кирпонос всеми предыдущими приказами Ставки был буквально загнан в такое положение, когда ему

пришлось запрашивать. Я решил поделиться с Вами этими моими читательскими недоумениями и размышлениями потому, что они, видимо, могут возникнуть и у других читателей.

Буду очень рад, если моя скромная литературная помощь в какой-то мере окажется полезной для Вас.

Жму Вашу руку.

14 июня 1966 год

Ваш Константин Симонов».

9

Теперь, я думаю, понятно, почему маршал И.Х. Баграмян назвал книгу маршала К.С. Москаленко «гадкой».

Во-первых, это касается тех самых вопросов, о которых в письме к Москаленко высказал свои сомнения К. Симонов.

Во-вторых, кому, как не Ивану Христофоровичу было знать всю правду случившегося под Киевом. Выпускник Военной академии им. М. Фрунзе и Академии Генштаба, с июня по декабрь 1941 года полковник (затем генерал-майор) Баграмян был заместителем начальника штаба и начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта.

А Москаленко – всего лишь командиром 1-й артиллерийской моторизованной противотанковой бригады РГК (апрель—август 1941 г.) и командиром стрелкового корпуса (август—сентябрь 1941 г.). Да, собственно, и книгу писал другой человек, далекий от тех трагических событий.

Глава 2

Ставка и штаб 1-го украинского фронта зимой 1943—1944 гг.

1

Чтобы более или менее понять ту ситуацию, о которой мы будем говорить несколько позднее, необходимо остановиться на той обстановке, которая складывалась зимой 1943—1944 гг. на южном крыле советско-германского фронта. И, конечно же, о планах сторон.

С этой целью для начала откроем воспоминания Маршала Советского Союза А.М. Василевского:

«Освобождение Правобережной Украины осуществлялось в ходе восьми операций, первые шесть из которых были связаны единым стратегическим замыслом и с военными действиями на других фронтах: Житомирско-Бердичевская (с 24 декабря 1943 года по 15 января 1944 года), Кировоградская (с 5 по 16 января), Корсунь-Шевченковская (с 24 января по 17 февраля 1944 года), Ровно-Луцкая (с 27 января по 11 февраля), Никопольско-Криворожская (30 января—29 февраля), Проскуровско-Черновицкая (с 4 марта по 17 апреля), Уманско-Ботошанская (с 5 марта по 17 апреля) и Березнеговато-Снегиревская (с 6 по 18 марта). Так слагалась в целом стратегическая операция при разгроме вражеских войск на всем южном крыле советско-германского фронта, при создании условий для полного изгнания оккупантов с Украины. Дополняла их Одесская наступательная операция (с 26 марта по 14 апреля), практически совпадавшая с ними по времени, но достаточно самостоятельная по своей организации и проведению в жизнь. Наконец, когда все они уже были завершены либо близились к этому, началась Крымская операция (с 8 апреля по 12 мая). Крупнейшими из указанных операций зимой и весной 1944 года были Корсунь-Шевченковская и Крымская; превосходить их могла лишь только Ленинградско-Новгородская операция, вошедшая в историю под названием “Первый удар”.

Сделаю оговорку. В свое время было принято называть главные наши операции 1944 года на советско-германском фронте “десятью ударами”. Соответственно, освобождение Правобережной Украины в феврале—марте 1944 года именовалось “Вторым ударом”, Крымская – “Третьим”. И хотя позже эти названия вышли из употребления и помнит их лишь старшее поколение советских граждан, я считаю возможным напомнить о старой терминологии. (...)

Директивами Ставки предусматривалось вначале разгромить противника в восточных районах украинского Правобережья, окончательно отбросить его от Днепра и выйти на рубеж Южного Буга (до Первомайска) и реки Ингулец (от Кривого Рога до устья).

В дальнейшем, развивая наступление, выйти на линию Луцк, Могилев-Подольский, Днестр; одновременно ликвидировать крымскую группировку врага и освободить Крым.

Конкретно фронтам приказывалось: 1-му Украинскому (Н.Ф. Ватутин) – нанести главный удар на Винницу и Могилев-Подольский, частью сил на правом крыле фронта – на Луцк, а на левом – на Христиновку, чтобы совместно с войсками 2-го Украинского фронта окружить и уничтожить сильную корсунь-шевченковскую фашистскую группировку, удерживавшую каневский выступ; 2-му Украинскому (И.С. Конев) главный удар намечалось нанести на Кировоград, Первомайск и частью сил на Христиновку. Ближайшая задача – совместно с войсками левого крыла 1-го Украинского фронта разгромить врага, оборонявшего канев-

ский выступ. Не снималась с него и поставленная ранее Ставкой задача – содействовать 3-му Украинскому фронту в разгроме противника у Кривого Рога. Решению этой задачи Верховный Главнокомандующий придавал важное значение в связи с огромной экономической ролью Криворожского промышленного района. 3-й (Р.Я. Малиновский) и 4-й (Ф.И. Толбухин) Украинские фронты должны были, действуя по сходящимся направлениям, ликвидировать никопольско-криворожскую группировку врага, в дальнейшем, развивая наступление на Первомайск, Николаев и Одессу, освободить все наше Черноморское побережье. Одновременно 4-му Украинскому фронту предстояло освободить Крым. С этой целью привлекались также Отдельная Приморская армия, сформированная 15 ноября 1943 года из соединений Северо-Кавказского фронта, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и партизанские отряды Крыма.

Эти планы опирались на прочную реальную основу. Крупные победы, одержанные осенью 1943 года, ярко демонстрировали возросшую мощь Советских Вооруженных Сил. Повысилась маневренность войск, улучшилось управление ими, выросла ударная и огневая сила. То, чем мы располагали в третью военную зиму, стояло качественно несравнимо выше того, что мы имели в начале войны. Огромный боевой опыт накопил Генеральный штаб. В начале 1944 года отдел по использованию опыта войны был преобразован в управление. Непрестанно разрабатывались пособия для офицеров, памятки воину, выпускались сборники теоретических статей по отдельным проблемам, в которых анализировалось все лучшее, достигнутое советскими войсками, становясь затем общим достоянием. 4,2 млн человек – такова цифра пополнения, пришедшего в действующую армию в 1944 году».

2

В «Воспоминаниях и размышлениях» Маршал Советского Союза Г.К. Жуков пишет:

«Для более детального ознакомления с положением на фронтах, рассмотрения и уточнения плана дальнейших наступательных операций в середине декабря я был вызван в Ставку. Прибыл и А.М. Василевский, с которым мы встретились в Генштабе и сразу же обменялись мнениями об итогах 1943 года и перспективах на ближайший период.

Александр Михайлович выглядел усталым. Ему, как и мне, пришлось, начиная с апреля, почти непрерывно находиться в движении – то в полетах, то в поездках по фронтовым дорогам. Обстановка в это время была довольно сложная, напряженная и изобиловала чрезвычайно острыми сменами больших успехов и досадных неудач. Все это, вместе взятое, плюс систематическое недосыпание, физическое и умственное перенапряжение особенно сказывались тогда, когда мы оказывались в Москве, в тиши кабинетов, где не слышно было ни налетов авиации, ни артиллерийских обстрелов, ни тревожных докладов с опасных участков фронтов.

На декабрьском совещании в Ставке присутствовали большинство членов Государственного Комитета Обороны. Скорее, это было расширенное заседание Государственного Комитета Обороны с участием некоторых членов Ставки Верховного Главнокомандования.

Совещание было довольно длительным. В обсуждении итогов и опыта борьбы на фронтах, а также оценки обстановки и перспектив войны приняли участие А.М. Василевский и А.А. Антонов. По вопросам экономики и военной промышленности докладывал Н.А. Вознесенский. О проблемах международного характера и возможности открытия второго фронта говорил И.В. Сталин. (...)

В результате глубокого и всестороннего анализа обстановки Ставка решила в зимнюю кампанию 1944 года развернуть наступление от Ленинграда до Крыма включительно.

При этом главные наступательные операции имелось в виду провести на юго-западном театре военных действий, с тем чтобы прежде всего освободить Правобережную Украину и

Крым. Было решено полностью освободить Ленинград от блокады и отбросить врага за пределы Ленинградской области. На северо-западном направлении войска должны были выйти к границам прибалтийских республик. Западному направлению ставилась задача возможно большего освобождения территории Белоруссии.

Планируя действия советских войск на зиму 1944 года, имелось в виду главные средства и силы сосредоточить на 1, 2, 3-м и 4-м Украинских фронтах, чтобы создать там более значительное превосходство над противником и в короткие сроки разгромить войска групп армий “Юг” и “А”».

3

Сегодня существуют совершенно противоположные мнения о роли Г.К. Жукова в Великой Отечественной войне. Однако, заглядывая в хронику деятельности Маршала Советского Союза в эти годы, невозможно отрицать его важную роль в планировании и осуществлении стратегических замыслов в период 1941—1945 гг. Об этом говорят следующие факты.

С 24 сентября по 29 сентября 1943 года работал в Ставке ВГК в Москве.

С 27 сентября по 3 декабря координировал действия Центрального (с 20 октября – Белорусского) и Воронежского (1-й Украинского) фронтов по разгрому киевской группировки противника и овладению городом Киев.

1 октября – в штабе Воронежского фронта.

2 октября – утром выехал на Центральный фронт в 60-ю и 13-ю армии.

2—3 октября – на Центральном фронте.

5 октября – на Воронежском фронте в 27-й армии.

7—8 октября – в штабе Воронежского фронта.

8 октября – на Воронежском фронте в 27-й армии, в 3-й гвардейской танковой армии.

10 октября – в 40-й и 27-й армиях, в 4-й и 3-й гвардейских танковых армиях.

11 октября – в 38-й армии.

17 октября – в штабе Воронежского фронта.

23 октября – на 1-м Украинском фронте и в 38-й армии.

25 октября – переезд к Коневу (2-й Украинский фронт).

27 октября – в армиях 2-го Украинского фронта.

28 октября – 2 ноября – на 1-м Украинском фронте.

2 ноября – переезд на 2-й Украинский фронт, в 7-й и 37-й армиях и 5-й гвардейской танковой армии.

3 ноября – в 37-й и 7-й гвардейской армиях.

5 ноября – на 1-м Украинском фронте в 38-й армии.

6 ноября – был в Киеве.

12—13 ноября – на 1-м Украинском фронте в 3-й гвардейской танковой армии.

С 4 по 12 декабря работал в Ставке ВГК в Москве.

С 12 по 31 декабря работал на 1-м и 2-м Украинских фронтах.

16 декабря – на 1-м Украинском фронте.

17 декабря – в 18-й Воздушной армии, 38-й армии, в 3-й гвардейской и 1-й танковых армиях на 1-м Украинском фронте.

22 декабря – на 1-м Украинском фронте в 38-й армии.

С 1 января по 18 февраля 1944 года координировал действия 1-го и 2-го Украинских фронтов.

2 января – в 17.45 на 2-й Украинском фронте.

3 января – в 5-й гвардейской армии.

7 января – в 17.00 на 1-м Украинском фронте.

Вот как описывает свое прибытие на подопечный фронт сам Георгий Константинович: «Сначала я решил поехать на 1-й Украинский фронт, чтобы передать решение Ставки и помочь спланировать предстоящие действия войск.

Н.Ф. Ватутин, как я уже говорил, был прекрасный штабист. Он обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк. Большинство важных приказов, директив и донесений Верховному Главнокомандованию он писал сам. Я как раз застал его за составлением директивы о переходе в наступление главной группировки войск фронта в общем направлении на Винницу.

Николай Федорович работал в жарко натопленной хате, накинув на себя теплую бекешу. Посмотрев на него, я понял, что ему явно нездоровилось.

Коротко познакомив Н.Ф. Ватутина с решением Ставки о развертывании действий на ближайший период и заслушав его последние коррективы к плану действий войск фронта, я посоветовал ему принять что-нибудь и сейчас же лечь, чтобы быть вполне работоспособным к началу наступления. Он согласился.

Выпив стакан крепкого чая с сушеной малиной и приняв пару таблеток аспирина, Николай Федорович ушел к себе в комнату. Мы с начальником штаба А.Н. Боголюбовым направились в оперативный отдел штаба, чтобы еще раз как следует разобраться в обстановке и проверить готовность войск к действиям.

Не прошло и десяти минут, как раздался телефонный звонок. А.Н. Боголюбов взял трубку. Звонил Н.Ф. Ватутин, приглашая его зайти. Я решил пойти вместе с А.Н. Боголюбовым. И мы вновь увидели Н.Ф. Ватутина за рабочей картой предстоящего наступления.

– Мы же договорились, что вы пойдете отдохнуть, а вы опять за работой?

– Хочу написать донесение в Ставку о ходе подготовки к наступлению, – ответил Николай Федорович.

Насильно выпроводив его из рабочей комнаты, я предложил все необходимое выполнить начальнику штаба, тем более что это была его прямая обязанность. (...)

1-му Украинскому фронту в то время противостояла группировка противника в составе 30 дивизий, в том числе 8 танковых и одной моторизованной. Командовал войсками генерал танковых войск Э. Раус. Вражеское командование все еще мечтало ликвидировать советские войска, овладев большим плацдармом западнее Днепра и Киевом.

Во второй половине ноября противник, как я уже говорил, захватил Житомир и неоднократно пытался опрокинуть соединения 1-го Украинского фронта и прорваться к Киеву. Но эти настойчивые попытки не увенчались успехом. Больше того, в результате своих безрассудных действий немецкие войска понесли колоссальные потери, которые в отдельных дивизиях доходили до 60—70 процентов личного состава и материальной части. В результате истощения сил и средств гитлеровское командование прекратило наступление, но все еще не отказывалось от намерения вновь захватить Киев и выйти на Днепр. Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от 1-го Украинского фронта подготовить и провести Житомирско-Бердичевскую операцию по разгрому противостоящей 4-й танковой армии противника и отбросить ее к Южному Бугу. На усиление 1-го Украинского фронта Ставкой были переданы 18-я, 1-я танковая армия, 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса.

К началу решающих операций 1-й Украинский фронт имел 1-ю гвардейскую, 13, 18, 27, 38, 40 и 60-ю общевойсковые армии, 1-ю и 3-ю гвардейские танковые армии. Всего 63 стрелковые дивизии, 6 танковых, 2 механизированных корпуса, 3 кавалерийские дивизии.

Замысел наступательной операции войск фронта был таков: разгромить противника в районе Брусилова и выйти на рубеж Любар – Винница – Липовая.

60-я армия генерала И.Д. Черняховского, усиленная 4-м гвардейским танковым корпусом, имела задачу наступать из района Малина и выйти на реку Случь на участке Рогачев – Любар. 13-я армия генерала Н.П. Пухова получила задачу наступать в направлении Коро-

стеня—Новоград-Волынский. 40-я и 27-я армии наносили удар на Белую Церковь и далее на Христиновку, где и должны были соединиться с войсками 2-го Украинского фронта.

Поддержку войск фронта с воздуха осуществляла 2-я воздушная армия генерала С.А. Красовского.

Утром 24 декабря после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки войска главной группировки фронта перешли в наступление. Оборона противника не выдержала удара наших войск, и немецкие войска начали отход. В связи с создавшимися благоприятными условиями во второй половине дня были введены в дело 1-я и 3-я гвардейские танковые армии. К исходу 30 декабря фронт прорыва расширился до 300 километров, а глубина его достигла 100 километров. Были освобождены Коростень, Брусиллов, Казатин, Сквир и много других городов и населенных пунктов.

Наступавшие войска завязали бой на подступах к Житомиру, Бердичеву, Белой Церкви. Немецкому командованию пришлось принимать экстренные меры, чтобы закрыть образовавшуюся брешь, для чего сюда было переброшено 12 дивизий из других групп армий («Север», «Центр» и групп армий «А»).

31 декабря был вновь освобожден Житомир. Развернулись тяжелые бои за Бердичев – крупный узел железнодорожных и шоссейных коммуникаций. Здесь действовали войска 1-й танковой армии генерала М.Е. Катукора и 18-я армия генерала К.Н. Леселидзе. Ввиду слабой организации боя 1-я танковая армия понесла потери, успеха не добила, и лишь 5 января, после вмешательства Н.Ф. Ватутина, Бердичев был освобожден».

4

Но вернемся к мемуарам Маршала Советского Союза А.М. Василевского:

«На южном крыле советско-германского фронта гитлеровцы имели в начале 1944 года одну из своих наиболее крупных стратегических группировок. Против четырех советских Украинских фронтов на участке от реки Припять до берегов Черного моря действовали: группа армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна (4-я и 1-я танковые, 8-я и 6-я полевые армии) и группа армий «А» генерал-фельдмаршала Клейста (3-я румынская и 17-я немецкая армии, 44-й немецкий отдельный армейский корпус. Эти войска поддерживались авиацией 4-го воздушного флота. Всего в обеих группах было 1,76 млн солдат и офицеров, 16 800 орудий и минометов, 2200 танков и штурмовых орудий, 1460 самолетов. По строжайшему приказу Гитлера они любой ценой должны были удержать за собой богатейшие хлебные районы Правобережной и западных областей Украины, Николаев с его предприятиями по добыче и переработке марганца, Криворожский бассейн, богатый железной рудой, и Крым, прочно прикрывая коммуникации южного крыла германо-советского фронта. Гитлеровское командование еще надеялось на восстановление своей обороны и по Днепру. Вот почему оно с таким упорством стремилось удержать за собой корсунь-шевченковский плацдарм, выгодный для нанесения флангового удара как по левому крылу 1-го Украинского, так и по правому крылу 2-го Украинского фронтов, а также плацдарм южнее Николаева, который прикрывал Криворожский бассейн и позволял нанести удар на Мелитополь по тылу 4-го Украинского фронта и пробиться к крымской немецко-румынской группировке».

5

Примечательно, что еще в декабре 1943-го командующего Белорусским фронтом К.К. Рокоссовского срочно вызвал к аппарату Верховный Главнокомандующий, который сказал, что у командующего 1-м Украинским фронтом ситуация складывается неблагоприятно.

– Противник перешел там в наступление и овладел Житомиром, – с тревогой и раздражением в голосе подчеркнул Сталин. – Если так и дальше пойдет, то гитлеровцы могут ударить и во фланг войскам Белорусского фронта.

– Какие будут приказания? – спросил Константин Константинович.

– Вам необходимо немедленно выехать в штаб 1-го Украинского фронта в качестве представителя Ставки, разобраться в обстановке на месте и принять все меры к отражению наступления.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

За считанные минуты подготовлена и соответствующая директива Ставки ВГК № 30 260:

«...Копия: командующему войсками 1-го Украинского фронта 9 декабря 1943 г. 00 ч 10 мин. В связи с прорывом противника в направлении Черняхов, Потиевка, Малин не исключена возможность распространения его вдоль р. Тетерев к северо-востоку и угрозы левому крылу Белорусского фронта. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает лично Вам, в качестве представителя Ставки, немедленно выехать в штаб 1-го Украинского фронта (Святошино) с задачей: 1. Ознакомиться на месте с создавшейся обстановкой и мероприятиями командующего 1-м Украинским фронтом по ликвидации прорыва противника. 2. Совместно с т. Ватутиным наметить мероприятия по обеспечению стыка между Белорусским и 1-м Украинским фронтами. 3. Донести свою оценку обстановки на 1-м Украинском фронте, мероприятия, намеченные Вами по обеспечению стыка фронтов, и дать заключение по мероприятиям командующего 1-м Украинским фронтом...»

Перед самым выездом из-под Гомеля, где в одноэтажных домиках размещался командный пункт Белорусского фронта, Рокоссовскому вручили телеграмму с распоряжением Верховного: в случае необходимости немедленно вступить в командование 1-м Украинским фронтом, не ожидая дополнительных указаний.

В своих мемуарах Константин Константинович вспоминает о встрече с Ватутиным не без легкого юмора:

«Штаб фронта располагался западнее Киева – в лесу, в дачном поселке. Ватутин был уже предупрежден о нашем прибытии. Меня он встретил с группой офицеров управления фронта. Вид у него был озабоченный.

Н.Ф. Ватутина я знал давно: в Киевском Особом военном округе он был начальником штаба. Высокообразованный в военном отношении генерал, всегда спокойный и выдержанный.

Как я ни старался, дружеской беседы на первых порах не получилось. А ведь встретились два товарища – командующие соседними фронтами. Я все время пытался подчеркнуть это. Но собеседник говорил каким-то оправдывающимся тоном, превращал разговор в доклад провинившегося подчиненного старшему. В конце концов я вынужден был прямо заявить, что прибыл сюда не с целью расследования, а как сосед, который по-товарищески хочет помочь ему преодолеть общими усилиями те трудности, которые он временно испытывает.

– Давайте же только в таком духе и беседовать, – сказал я.

Ватутин заметно воспрянул духом, натянутость постепенно исчезла. Мы тщательно разобрались в обстановке и ничего страшного не нашли.

Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал сильную танковую группу и стал наносить удары то в одном, то в другом месте. Ватутин вместо того, чтобы ответить сильным контрударом, продолжал обороняться. В этом была его ошибка. Он мне пояснил, что если бы не близость украинской столицы, то давно бы рискнул на активные действия.

Но сейчас у Ватутина были все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов, две танковые армии стояли одна другой в затылок, не говоря об общевой-

сковых армиях и артиллерии резерва ВГК. С этим количеством войск нужно было наступать, а не обороняться. Я посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику. Ватутин деятельно принял за дело. Но все же деликатно поинтересовался, когда я вступлю в командование 1-м Украинским фронтом. Я ответил, что и не думаю об этом, считаю, что с ролью командующего войсками фронта он справляется не хуже, чем я, и что вообще постараюсь поскорее вернуться к себе, так как у нас и своих дел много. Ватутин совсем повеселел.

Меня несколько удивляла система работы Ватутина. Он сам редактировал распоряжения и приказы, вел переговоры по телефону и телеграфу с армиями и штабами. А где же начальник штаба фронта? Генерала Боголюбова я нашел в другом конце поселка. Спросил его, почему он допускает, чтобы командующий фронтом был загружен работой, которой положено заниматься штабу. Боголюбов ответил, что ничего не может поделать: командующий все берет на себя».

6

То, что происходило по ту сторону южного крыла советско-германского фронта, достаточно достоверно изложил в своих мемуарах командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн:

«Развитие событий в первые дни января вынудило меня 4 января вылететь в Ставку фюрера, чтобы наконец добиться от Гитлера разрешения на переброску крупных сил с правого фланга группы армий на левый. Я начал с того, что охарактеризовал ему новую опасность, возникшую в Днепровской дуге, а также крайне критическое положение на участке 4 танковой армии.

Затем я подробно объяснил ему наш замысел: атаковать противника, наступающего на фронте этой армии с флангов, силами 3 тк 1 танковой армии с востока, а силами 26 тк, перебрасываемого за северный фланг 4 танковой армии, с северо-запада. Я сразу сказал Гитлеру, что намеченные контрудары в лучшем случае временно устранят нависшую угрозу, однако ни в коем случае не могут укрепить на длительный срок положение на северном фланге группы армий. На всем южном крыле Восточного фронта нависнет смертельная опасность, если нельзя будет восстановить положение на северном фланге группы армий. Группа армий «Юг» и группа армий «А» очутятся тогда в Румынии или на Черном море. Если, таким образом, главное командование не может выделить в наше распоряжение крупные силы, отвод южного фланга группы армий для высвобождения сил, необходимых для имеющего решающее значение северного фланга, что, конечно, повлечет за собой сдачу Никополя (а следовательно, и отказ от Крыма), нельзя больше откладывать».

Я хотел бы здесь добавить, что оставление восточной части Днепровской дуги, по мнению командования группы армий, было лишь первым шагом по пути переноса главных усилий на северный фланг группы армий, что единственно отвечало общей обстановке.

Для того чтобы провести такую перегруппировку в необходимых больших масштабах, следовало значительно сократить фронт на юге. Командование группы армий поэтому предусмотрительно уже отдало приказ о разведке и начале оборудования оборонительной позиции на запад от занимаемой линии фронта, что, естественно, было известно Гитлеру. Эта позиция проходила от нижнего течения Буга в общем северном и северо-западном направлении, с использованием удобных рубежей рек, до южной границы района, в котором в настоящее время северный фланг группы армий вел ожесточенные бои. Занятие этой линии означало бы сокращение примерно наполовину фронта 6 и 8 армий, которые в результате удерживания Днепровской дуги растянули его на 900 км. Такое значительное сокращение фронта и связанная с ним большая экономия сил (в сочетании с переброской 17 армии из

Крыма на континент) дадут наконец возможность сосредоточить необходимое количество сил на северном фланге. Несмотря на это, южный фланг сохранил бы достаточно сил для того, чтобы удерживать упомянутую выше линию даже против значительно превосходящих сил противника. Конечно, и противник высвободил бы силы. Однако сокращенный и достаточно обеспеченный войсками фронт на юге, на котором можно было бы создать устойчивую оборону, даже при массированных атаках противника мог бы доказать, что “оборона сильнее наступления”. С другой стороны, противник в связи с тем, что мы разрушили железнодорожную сеть, вряд ли сможет в такой же степени и теми же темпами перебросить силы со своего южного фланга в район западнее Киева, чтобы добиться здесь превосходства своих сил.

Естественно, лишь оставление Днепровской дуги создало бы предпосылку для такого значительного отвода сил на южном фланге германской армии. Просить о ней Гитлера сейчас уже было бы совершенно нецелесообразно. (...)

Так как в таком широком кругу, в каком обычно проходили “доклады об обстановке”, дальнейшая дискуссия с Гитлером не обещала успеха, я попросил разрешения переговорить с ним только в присутствии начальника Генерального штаба. С явным неудовольствием, недоверчиво ожидая, что я ему теперь преподнесу, Гитлер дал свое согласие. Представители ОКВ, Геринга, адъютанты, секретари Гитлера, а также оба стенографа исчезли. Последние обычно должны были записывать каждое слово, произнесенное во время этих докладов об обстановке. Так как перед ними не было карт, они, правда, часто совсем не могли понять, о чем идет речь. Я вылетел в Ставку фюрера, задавшись целью наряду с вопросом об обстановке на фронте группы армий еще раз поднять вопрос об общем руководстве военными действиями в этой войне.

После того как все присутствующие, кроме генерала Цейтлера, ушли, я попросил у Гитлера разрешения говорить совершенно открыто.

Ледяным тоном, насупившись, Гитлер ответил: “Пожалуйста”. Я начал со следующих слов: “Надо ясно отдавать себе отчет, мой фюрер, в том, что чрезвычайно критическая обстановка, в которой мы сейчас находимся, объясняется не только неоспоримым превосходством противника. Она является также следствием того, как у нас осуществляется руководство военными действиями”. По мере того как я произносил эти слова, лицо Гитлера стало принимать напряженное выражение. Он уставился на меня таким взглядом, который говорил об одном: теперь он хочет подавить твою волю, заставить тебя замолчать. Я не припоминаю, чтобы я когда-либо видел взгляд, который так передавал бы силу воли человека. (...)

Таким образом, мне пришлось вернуться, ничего не добившись ни в отношении облегчения положения группы армий, ни в отношении разумного урегулирования вопроса о нашем Главном командовании. Однако это никак не означало, что мы отказались от борьбы за то, чтобы наконец добиться свободы маневра для нашего фланга в Днепровской дуге, и за усиление северного фланга нашей группы армий.

В связи с отрицательными результатами переговоров в Ставке фюрера для группы армий не оставалось ничего иного, как продолжать борьбу в Днепровской дуге. На ее северном фланге необходимо было действовать так, чтобы сорвать попытки противника окружить 4 танковую армию и прорваться в южном направлении, в результате чего были бы перерезаны тыловые коммуникации южного фланга.

Противник с неослабевающей силой в течение всего января продолжал в Днепровской дуге атаки на позиции, которые мы все еще должны были удерживать. С особой силой он обрушивался на восточный участок 8 армии. Но и на участке, занимаемом теперь 6 армией, войска вынуждены были непрерывно отражать вражеские атаки. Они велись как в направлении на позиции, расположенные в Днепровской дуге, фронтом на север, так и с юга против никопольского плацдарма».

7

«Под ударами 1-го Украинского фронта враг откатывался на запад, — напишет Г.К. Жуков. — Это заставило командование немецких войск собрать группу войск в районах Винницы и Умани для контрудара по 38, 40-й и 1-й танковой армиям. Завязалось новое большое сражение.

Наши войска перешли к обороне, пытаясь расстрелять противника с места огнем и ударами с воздуха. Но, не выдержав нажима противника, сами отошли километров на тридцать назад, где и закрепились.

В итоге Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта продвинулись на глубину до 200 километров, полностью освободив Киевскую и Житомирскую области, а также ряд районов Винницкой и Ровенской областей. Левое крыло фронта охватило всю группировку противника, занимавшего крупный плацдарм в районе Канева и Корсунь-Шевченковского. Таким образом, была создана благоприятная обстановка для Корсунь-Шевченковской операции.

К середине января 1-й Украинский фронт закрепился на линии Сарны — Славута — Казатин — Ильинцы. Далее фронт поворачивал на Днепр до района Ржищева и Канева, где продолжала стоять в обороне крупная группировка немецких войск. Видимо, немецкое командование, мечтая вновь захватить Киев, не подозревало, что оно готовило само себе здесь ловушку... (...)

А теперь рассмотрим обстановку на 2-м Украинском фронте.

2-й Украинский фронт, во главе которого стоял генерал И.С. Конев... к концу декабря так же, как и фронт Н.Ф. Ватутина, получил значительное пополнение танками и самоходно-артиллерийскими установками. В состав фронта был передан усиленный 5-й авиакорпус и несколько артиллерийских частей. Это пополнение укрепило войска, но далеко не удовлетворило их потребности. Особенно малочисленными оставались общевойсковые соединения, без которых, как известно, не достигается и не закрепляется успех операций.

2-й Украинский фронт имел задачу подготовить и провести операцию, нанося главный удар на Первомайск через Кировоград. Частью сил фронт должен был наступать в общем направлении на Христиновку, где, соединившись с 1-м Украинским фронтом, разгромить противника в районе Звенигородка — Канев.

До 7 января мне не удалось побывать на 2-м Украинском фронте, так как вынужден был заниматься на участках войск Н.Ф. Ватутина, где обстановка изобиловала сложными и опасными моментами. 7 января я прилетел в штаб 2-го Украинского фронта. И.С. Конев в это время был в районе Кировограда на командно-наблюдательном пункте.

Заехав в штаб фронта, я застал там начальника штаба фронта М.В. Захарова, который детально ознакомил меня с данными обстановки на участках фронта. (...)

После ознакомления с обстановкой в штабе фронта я позвонил И.С. Коневу и выехал к нему.

По дороге к командному пункту И.С. Конева мы отчетливо слышали звуки артиллерийского огня, разрывы авиационных бомб, рев моторов многочисленных самолетов: можно было безошибочно определить, что идут жаркие схватки с врагом на земле и в воздухе.

Поздоровавшись, я спросил Ивана Степановича, как развивается операция.

— Бьем смертным боем врага, но пока он не бросает Кировоград, — ответил И.С. Конев.

Изучив карту И.С. Конева и выслушав его обстоятельное сообщение, понял, что врагу все же не удастся удержаться в Кировограде. К исходу 7 января он был не только обойден войсками фронта, но и едва держался на южных окраинах города, где наступали 29-й танковый корпус, 29-я и 50-я стрелковые дивизии. (...)

К утру 8 января Кировоград был освобожден. Враг отходил под натиском войск фронта на запад.

На правом крыле фронта наступление 53-й армии и 4-й ударной армии не увенчалось успехом. Оно было остановлено сильными контратаками противника на рубеже Смела—Каниж.

Остановив наступление и перейдя к обороне западнее Кировограда, командование фронта перегруппировало на правое крыло фронта 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала П.А. Ротмистрова. Но из-за усилившейся здесь группировки врага она не смогла создать перелома в нашу пользу.

В связи с необходимостью проведения более капитальной подготовки дальнейших операций наступление войск 2-го Украинского фронта было приостановлено на всех направлениях, и я вернулся на 1-й Украинский фронт, чтобы вместе с его командованием взяться за подготовку Корсунь-Шевченковской операции.

Обсудив цель и задачи операции, Н.Ф. Ватутин решил создать группировку в составе 40-й армии Ф.Ф. Жмаченко, 27-й армии С.Г. Трофименко и 6-й танковой армии генерала танковых войск А.Г. Кравченко, отличившегося при взятии Киева.

По данным немецкой трофейной карты за 24 января 1944 года, в районе корсунь-шевченковского выступа, который доходил своей вершиной до самого Днепра, находилось девять пехотных, одна танковая и одна моторизованная дивизии, входившие в состав 1-й танковой и 8-й армий немецких войск.

Эта довольно сильная группировка противника мешала 1-му и 2-му Украинским фронтам проводить дальнейшие операции в западном направлении, так как была расположена на флангах того и другого фронтов.

11 января я доложил наши соображения Верховному о плане отсечения, окружения и разгрома всей корсунь-шевченковской группировки. Верховный утвердил предложения и 12 января подтвердил свое решение директивой Ставки.

Директива предусматривала нанесение встречных ударов фронтов под основание выступа и соединение их в районе Звенигородки. Перед началом операции Ставка по моей просьбе усилила 1-й Украинский фронт 2-й танковой армией».

8

Для более полного понимания сложившейся обстановки на январь 1944 года будет совершенно не лишним остановиться на «Записках» командующего 2-м Украинским фронтом И.С. Конева:

«В результате успешного осуществления Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н.В. Ватутина к середине января 1944 г. вышли в район города Сарны, на подступы к Шепетовке и Виннице.

Войска 2-го Украинского фронта захватили большой плацдарм западнее и северо-западнее Днепропетровска и после Кировоградской наступательной операции отбросили противника от Днепра более чем на 100 км, выйдя на рубеж Смела, Баландино, западнее Кировограда и Новогородки. В это же время войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского, освободив Запорожье, продвинулись от Днепра на запад на 50—400 км.

Однако в среднем течении Днепра в районе Канева гитлеровцам удалось удержаться. В результате сложившейся на фронте обстановки образовался так называемый Корсунь-Шевченковский выступ. Оборонявшиеся немецкие войска, используя благоприятную местность, удержались в стыке между 1-м и 2-м Украинскими фронтами, нависли над смежными флангами фронтов и сковывали свободу их маневра.

Немецко-фашистское командование стремилось во чтобы то ни стало удержать Корсунь-Шевченковский выступ, упорно обороняло его, поскольку не могло примириться с окончательной потерей “Восточного вала”. Было очевидно, что гитлеровский генералитет рассчитывал использовать этот выступ в качестве плацдарма для наступления с целью восстановить линию фронта по западному берегу Днепра.

Ставка Гитлера и командование группы армий “Юг” надеялись, что в связи с началом распутицы советские войска не смогут наступать в прежних масштабах, поэтому рассчитывали получить передышку на южном участке своего восточного фронта. В этот период противник все еще полагал, что ему удастся сильными ударами отбросить наши войска к Днепру, сохранить за собой богатые промышленные и сельскохозяйственные районы Правобережной Украины и установить сухопутную связь с крымской группировкой своих войск. Гитлер принимал все меры к тому, чтобы удержать Правобережную Украину. Он хорошо понимал, что потеря ее разорвет весь стратегический фронт немецких войск. Желание иметь позиции у Днепра не в последнюю очередь объяснялось также и пропагандистскими целями, попыткой скрыть провал своих стратегических планов в войне на восточном фронте.

Гитлеровцы торопились создать в районе Корсунь-Шевченковского выступа устойчивую оборону, которая могла бы обеспечить удержание всего плацдарма и служила бы исходным пунктом на случай развертывания наступательных операций. Местность в том районе благоприятствовала обороне. Многочисленные реки, ручьи, овраги с крутыми склонами, большое число крупных населенных пунктов способствовали созданию оборонительных рубежей и отсечных позиций. Высоты, особенно многочисленные в районе Канева, позволяли хорошо организовать наблюдение.

Наиболее прочную оборону с развитой системой инженерных сооружений и различного рода заграждениями гитлеровцы создали в вершине выступа – на участке Кагарлык, Мошны. На участке Мошны, Смела передний край вражеской обороны проходил по сильно заболоченной местности. Поэтому оборона здесь состояла из отдельных пунктов, перехватывающих основные дороги. (...)

Перед войсками 1-го Украинского фронта, особенно на участке к югу от Ольшаны, оборона противника в инженерном отношении была развита слабее. На этот рубеж враг отступил только 10—12 января и поэтому не успел достаточно укрепить его. Здесь имелся ряд опорных пунктов, промежутки между которыми прикрывались заграждениями. В лесах противник устроил завалы и засеки, минировал их противотанковыми и противопехотными минами.

Придавая важное стратегическое значение удержанию Правобережной Украины, фашистское командование сосредоточило там крупные и наиболее боеспособные соединения и части – всего 93 дивизии, в том числе 18 танковых из 25 действовавших на всем советско-германском фронте.

Непосредственно в Корсунь-Шевченковском выступе на участке Тиновка, Баландино оборонялись правофланговые соединения 1-й танковой армии и левофланговые соединения 8-й полевой армии в составе 11 пехотных и 2 танковых дивизий, моторизованной бригады и 4 дивизионов штурмовых орудий.

Все дивизии противника, хотя и понесли значительные потери в предыдущих боях, были вполне боеспособны. Большая часть их длительное время находилась на советско-германском фронте и имела большой боевой опыт.

Следует заметить, что непосредственно в выступе враг не имел крупных резервов. Однако в районе западнее и северо-западнее Кировограда держал пять танковых дивизий, две из которых были в резерве 8-й армии. К тому же в районе юго-западнее Охматова действовали три танковые дивизии 1-й танковой армии, которые вражеское командование также могло быстро перебросить в район Корсунь-Шевченковского выступа.

Наземные войска существенно усиливались авиацией; так, перед 1-м и 2-м Украинскими фронтами действовали соединения 4-го воздушного флота немцев. Всего в их составе было около 500 дневных бомбардировщиков, 260 истребителей и 240 разведывательных самолетов. (...)

В сложившейся к середине января 1944 г. стратегической обстановке ликвидация Корсунь-Шевченковского выступа стала первоочередной задачей 1-го и 2-го Украинских фронтов. Успешное решение ее позволяло осуществить общее наступление с целью полного освобождения Правобережной Украины.

Чтобы не дать возможности противнику укрепить свои оборонительные позиции и усилить группировку войск, мы должны были начать ликвидацию Корсунь-Шевченковского выступа как можно быстрее. Это вынуждало нас провести подготовку операции в сжатые сроки».

9

По твердому убеждению Эриха фон Манштейна, если германский фронт «в течение января смог удержаться не только в районе никопольского плацдарма, но и в Днепровской дуге», то это произошло только благодаря самоотверженности немецких войск.

В частности, он пишет:

«На левом фланге группы армий обстановка была крайне тяжелой. То, что 4 танковая армия не могла оказать сильного сопротивления натиску превосходящих сил противника и сдала Бердичев, а также отошла, чтобы создать сплошной фронт хотя бы на большей части своего участка, дальше на запад и юго-запад, было еще не самым опасным. Гораздо более опасным было то, что противник примерно к 6 января понял, как большие шансы на успех он может получить при использовании разрыва линии фронта между 1 танковой армией и правым флангом 4 танковой армии, а также большой брешей, образовавшейся между 4 танковой армией и группой армий “Центр”. В этом районе действовал лишь изолированный слабый 59 ак, отступавший с боями на Ровно.

Было ясно, что русские приостановили наступление на фронте 4 танковой армии, чтобы использовать свои шансы на ее открытых флангах.

Силами трех армий (18, 1 гвардейской и 3 гвардейской танковой армий) противник стремился теперь разгромить северный фланг 4 танковой армии, в то время как 60 и 13 армии русских продвигались далее к северу, осуществляя параллельное преследование в направлении на Ровно.

Одновременно противник крупными силами (1 танковая и 40 армии) продолжал наступать на юг через брешь, образовавшуюся между 1 и 4 танковыми армиями. Его передовые отряды вышли в район 30 км севернее Умани, являвшейся базой снабжения 1 танковой армии, а также на подступы к Виннице, где находился ранее штаб группы армий. За несколько дней до этого он был переведен в Проскуров, так как линии связи, проходившие из Винницы к правому флангу группы армий, в результате наступления противника оказались под угрозой. Вражеским танкам даже удалось временно блокировать у Жмеринки важнейший путь подвоза группы армий (дороги, проходившие далее к югу, вели через румынскую территорию и имели очень небольшую пропускную способность).

Командование группы армий могло избрать в связи с создавшейся обстановкой два пути. Следовало ли помешать дальнейшему продвижению противника в сторону почти открытого северного фланга группы армий, которое таило в себе опасность глубокого обхода его северного фланга? Или было важнее не дать противнику окончательно прорвать фронт через брешь между 1 и 4 танковыми армиями? Для того чтобы решать обе эти задачи одновременно, сил не хватало.

Мы решили сначала ликвидировать вторую опасность. Она в настоящий момент была более угрожающей. Если бы противнику дали возможность ввести в эту брешь крупные силы и нанести удар на юг через верхнее течение Буга, 8 и 6 армии оказались бы под угрозой окружения.

Дальнейшее продвижение противника в сторону северного фланга группы армий на Ровно могло лишь позже приобрести угрожающий характер. Здесь силы, которые Гитлер рано или поздно вынужден был бы сюда перебросить, в конце концов, должны были бы спасти положение.

Если бы, однако, обе армии южного фланга очутились в окружении, было бы уже невозможно вызволить их оттуда. На единственное правильное решение значительно отодвинуть назад линию фронта на южном фланге группы армий для высвобождения сил, способных преодолеть кризис на северном фланге, Гитлером по-прежнему было наложено вето.

Исходя из этих соображений, мы приняли решение сосредоточить вначале все имевшиеся в нашем распоряжении силы для нанесения удара по противнику, продвигавшемуся через брешь между 1 и 4 танковыми армиями на юг.

Эта брешь была особенно опасна потому, что прорыв противника в направлении на Умань вынудил 1 танковую армию загнуть свой западный фланг в районе юго-западнее Киева на юг. Он соприкасался теперь своими тыловыми позициями расположенной в Днепровской дуге 8 армии. Так как внутренние фланги обеих армий удерживали еще и Днепр по обе стороны от Канева, немецкие позиции образовали, так сказать, мешок, который был перевязан на севере у Днепра, в то время как его продольные стороны представляли собой обращенные на восток и на запад фронты обеих армий. Если бы противник добился успеха, используя брешь севернее Умани, ему было бы легко “затянуть” этот мешок на юге! Разумнее всего было бы, конечно, уйти из него, так как на его оборону пришлось бы бессмысленно тратить много сил. Но и здесь Гитлер не хотел добровольно уступать побережье Днепра. Он все еще надеялся нанести удар из этого выступа фронта для того, чтобы когда-нибудь снова овладеть восточной частью дуги. Поэтому этот выступ остался. Через непродолжительное время этот “мешок” превратился в черкасский котел.

Штаб группы армий планировал нанести удар по противнику, продвигавшемуся в глубь брешки между 4 и 1 танковыми армиями с трех сторон, взяв противника в клещи.

С востока – из расположения 1 танковой армии – 7 ак наносил противнику удар во фланг. Корпус удалось высвободить из упомянутого выше выступа фронта благодаря тому, что по приказу командования группы на Днестре были оставлены только слабые прикрития. В результате этого 7 ак по крайней мере не попал затем в черкасский котел.

С запада 46 тк должен был нанести удар по другому флангу противника. Он в тот момент еще только подходил из Франции.

С юга наносил удар высвобожденный группой армий из Днепровской дуги 3 тк. Его задача состояла в том, чтобы, маневрируя, задержать и сковать противника, пока оба других корпуса не сосредоточатся для атаки».

10

В своем капитальном труде, кстати сказать, в одном из первых по истории Второй мировой войны, немецкий генерал Курт фон Типпельскирх лишь дополняет увиденную нами картину:

«К концу декабря войска группы армий “Юг”, прекратившие свои контрудары южнее Киева и в районе Житомира, оборонялись на извилистом, осложненном плацдармами противника и исключительно неустойчивом фронте. Противнику, пожалуй, контрудары немецких войск были только на руку, потому что они предпринимались лишь в силу необходи-

мости временно предотвратить глубокие прорывы русских. И созданное в результате таких контрударов на какое-то время облегчение совершенно не использовалось для выпрямления линии фронта. В то время как русские для пополнения измотанных дивизий и формирования новых соединений, необходимых для предстоящих наступательных операций, располагали богатейшими резервами живой силы и техники, контрудары поглощали силы немецких войск, и восстановить их в полной мере было невозможно. Вследствие неизменного требования Гитлера удерживать по возможности более обширные районы Украины, а также его запрета эвакуировать в интересах экономии сил выступления немецкой обороны, против которых русские не предпринимали активных действий, группа армий «Юг» вынуждена была держать свое очень сильно растянутое южное крыло выдвинутым далеко вперед, а это, несомненно, таило в себе серьезную опасность. Можно было с уверенностью ожидать, что противник использует столь благоприятную для него, прямо-таки соблазнительную возможность охвата этого крыла и постарается взломать удержавшуюся лишь ценою крайнего напряжения всех сил немецкую оборону на этом выступе...

Так оно и случилось. В рождественские дни 1943 г. первым перешел в наступление западнее Киева против 4-й танковой армии 1-й Украинский фронт под командованием Ватутина. Цель этого удара состояла в том, чтобы сделать еще более глубоким северный фланг группы армий и тем самым вынудить немцев еще больше растянуть свои силы. В ходе многодневных боев русские армии пробили в немецкой обороне у Радомышля и южнее брешь шириной 80 и глубиной 40 км, взяли Радомысль и Брусилів и развили успех в южном направлении. Прорыв был таким удачным, а боеспособность 4-й танковой армии (у которой после окончания ее декабрьского выступления взяли приданные танковые дивизии, направив их в тыл для пополнения) оказалась настолько ослабленной, что эта армия стала неудержимо откатываться назад. За потерей Радомышля и Брусиліва очень скоро последовала сдача Коростышева, а 1 января 1944 г. русские вновь вступили в оставленный ими 20 ноября Житомир. Затем русские перешли в наступление и севернее, до самого Коростеня, продолжая в то же время неудержимо продвигаться на запад. 3 января наступавшие русские войска достигли города Новоград-Волынский, а западнее Коростеня вышли в район Олевска и приблизились к старой польской границе, которую и перешли на следующий день. Устраняя всякую угрозу с фланга, войска левого крыла русских повернули крупными силами на юг и отбросили там удерживавших непрочную оборону немцев за линию Бердичев, Белая Церковь. Развивая наступление в западном и северо-западном направлениях, русские 12 января взяли город Сарны, а в центре, южнее Новоград-Волынского, продолжали теснить немецкие войска в направлении Шепетовки. Войска южного крыла 1-го Украинского фронта 16 января вышли в район восточнее Винницы и к Погребищенскому. Когда в результате развития ими этого удара в направлении на Умань возникла угроза, что центр и южное крыло группы армий «Юг» могут отказаться отрезанными с запада и вся и[оборона опрокинутой, командование ввело резервы и во второй половине января продвижение русских было остановлено. Решительным контрударом войска Ватутина были отброшены назад к Погребищенскому и Жашкову».

Глава 3

38-я стрелковая дивизия

1

У каждой воинской части своя история и своя судьба. Есть она и у 38-й стрелковой дивизии. На сегодняшний день известны три ее формирования. Но это уже нам, внукам и правнукам участников Великой Отечественной войны. А тогда солдаты и офицеры этого соединения как максимум слышали всего про два формирования. Знали про разгром дивизии в 1944 году. Слышали о том, как она воевала под Харьковом в 1942-м. Но совершенно не догадывались о ее самом первом формировании...

38-я Донская Краснознаменная Морозовско-Донецкая имени А.И. Микояна стрелковая дивизия была впервые сформирована в 1918 году как 2-я Донская стрелковая дивизия. В феврале 1919 года в составе 1-й армии дивизия принимала участие в боевых действиях в Башкирии и Зауралье против войск атамана Дутова. В 1920 году обеспечивала доставку своими отрядами леса с Кавказа в Донбасс. Затем в составе 13-й армии вела боевые действия против армии генерала Врангеля. С октября 1920 года дивизия вела боевые действия против банд батьки Махно.

В ноябре 1920 года 2-я Донская стрелковая дивизия охраняла побережье Азовского моря, штаб дивизии в это время был развернут в Джанкое. В состав дивизии вошли части расформированной 1-й Донской стрелковой дивизии. С 7 по 27 декабря 1920 года 3-я бригада дивизии принимала участие в обороне Мелитополя. До июня 1922 года вела бои против банд Маслака, Каменюка, Попова в бывшей Донской области и Воронежской губернии. В июне 1922 года переименована в 9-ю Донскую стрелковую дивизию.

В 1930 году дивизия входила в состав Северо-Кавказского военного округа, дислоцировалась в Ростове-на-Дону, а ее подразделения размещались в Новочеркасске, Таганроге и Зернограде.

В 1936 году 9-я стрелковая дивизия была переименована в 38-ю Донскую Краснознаменную Морозовско-Донецкую имени А.И. Микояна стрелковую дивизию. В августе—сентябре 1939 года на базе дивизии дополнительно были сформированы 158-я и 171-я стрелковая дивизии СКВО.

В мае 1941 года дивизия была выведена в Персиановские лагеря в Ростовской области, где развернута до полного штата в составе 34-го стрелкового корпуса 19-й армии. В конце мая — начале июня 1941 года соединение наряду с другими тремя стрелковыми и одной горнострелковой дивизией СКВО была передислоцирована на Украину. Выгрузившись на станции Белая Церковь, в районе Киева, дивизия сосредоточилась в районе Трушки.

С началом войны в составе войск армии переброшена на западное направление, в район Рудня, Орша, Смоленск. Части дивизии прибывали разрозненными группами, которые немедленно вводились в бой в ходе Смоленского сражения.

2

«10 июля 1941 года началось ожесточенное Смоленское сражение, в ходе которого, немецко-фашистские войска понесли серьезные потери и не смогли с ходу прорваться к Москве, — рассказывает Сергей Гоман. — Во время Смоленского сражения, которое продол-

жалось два месяца, наш город героически защищали части 38-й стрелковой дивизии полковника Максима Гавриловича Кириллова. (...)

Хорошо обученная и укомплектованная по штатам военного времени (15 тыс. человек) дивизия являлась одной из лучших в округе. В конце мая 1941 года она в составе 34-го стрелкового корпуса 19-й армии генерал-лейтенанта И.С. Конева была скрытно переброшена на Украину, в район Белой Церкви, где занималась боевой подготовкой в лесных палаточных лагерях. 1 июля 1941 года нарком обороны маршал С.К. Тимошенко приказал И.С. Коневу срочно перебросить войска армии на западное направление, в район Рудни, Орши и Смоленска. Под непрерывающимися бомбежками, в условиях острой нехватки подвижного состава и огромных пробок на станциях и перегонах переброска 19-й армии сильно затянулась. Из 350 эшелонов за две недели прибыло в районе выгрузки лишь 130, а сами станции выгрузки войск в связи с быстрым продвижением врага все дальше отодвигались на восток, на 100—150 км от заранее намеченных районов сосредоточения. В результате – ни одна из дивизий не была собрана в полном составе. Разрозненные батальоны и полки совершали изнурительные марши к фронту, не имея тылов, прикрытия с воздуха, с минимальным количеством боеприпасов.

Штаб 38-й СД, спецчасти и 48-й Зерноградский стрелковый полк майора П.И. Шеремета к 15 июля выгрузились на ст. Ярцево, Вышегор, 29-й Новочеркасский стрелковый полк полковника М.П. Бовды двумя батальонами прибыл на ст. Кардышево и Колодня, а один его батальон майора Б.С. Апояна оказался восточнее Ярцево. 343-й Ростовский стрелковый полк майора М.И. Алхима к 12 июля прибыл на ст. Красный Бор, западнее Смоленска. В итоге 38-я оказалась раздробленной на три части и была с ходу введена в бой с прорвавшимися немецкими танками.

Наиболее трагично сложилась судьба последних двух частей 38-й стрелковой дивизии. С 16 июля они вошли в состав 16-й армии генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина и до 30 июля вели бои за Смоленск, где полностью погибли. Свыше 5 тыс. воинов 29-го и 343-го стрелковых полков, приданных двух батарей 134-го дивизиона ПТО и 214-го легкого артполка навеки остались в земле, защищая Смоленск. Лишь несколько десятков бойцов 5 августа пробившись из окружения через Соловьеву переправу и вынесли знамя 343-го стрелкового полка, и полк снова вскоре возродился в составе родной 38-й дивизии.

16 июля в районе Ярцево противник высадил крупный парашютный десант – около тысячи специально подготовленных диверсантов с танкетками и минометами. Оседлав шоссе Москва—Минск, десантники устремились к железнодорожной станции и к мостам. Путь им преградили две сотни бойцов истребительного батальона, которые в неравном бою почти полностью погибли, но на время задержали парашютистов. Ночью 17 июля в район Ярцево приехал генерал-майор К.К. Рокоссовский, который приказал полковнику М.Г. Кириллову уничтожить гитлеровцев. Для выполнения этой задачи комдив располагал 48-м стрелковым полком, выгрузившимся на ст. Свищево, 70-м отдельным разведывательным батальоном капитана Г.И. Колесникова, а также несколькими батареями 214-го легкого артполка. Максим Гаврилович Кириллов грамотно организовал взаимодействие частей дивизии, враг был разгромлен. Большая часть немецких десантников погибла в бою, несколько десятков попало в плен. Вечером 18 июля в боевом донесении, отправленном в штаб Западного фронта, сообщалось: “38-я дивизия выполнила свою задачу по уничтожению вражеского десанта в районе Ярцево”.

Но на западном берегу Вопи, на железнодорожной станции продолжался бой. Около роты десантников, укрывшись за толстыми каменными стенами старых построек, пытались продержаться до подхода своих. Огневые точки фашистов были уничтожены огнем гаубиц поставленных на прямую наводку, и утром 19 июля Ярцево было полностью очищено от противника.

Но в тот же день со стороны Духовщины подошла 7-я немецкая танковая дивизия генерал-майора фон Функа и атаковала не успевших закрепиться воинов 38-й дивизии. Двое суток бойцы М.Г. Кириллова вели неравный бой с танками и мотопехотой гитлеровцев на улицах Ярцева. К вечеру 20 июля на помощь подоспела направленная из резерва 101-я танковая дивизия Героя Советского Союза полковника Г.М. Михайлова. Не вся ее бронетехника выдержала форсированный марш – из 132 танков и 16 бронемашин до поля боя дошло лишь 59 танков, в том числе 7 “КВ”. Они и возглавили контратаку 101-го мотострелкового полка дивизии. Немцы были выбиты из Ярцево на западный берег Вопи. В последующие двое суток противник подтянул к городу дополнительно еще и 20-ю моторизованную дивизию генерал-майора Цорна и усилил атаки вдоль железной дороги и шоссе Москва—Минск. К исходу 22 июля после ожесточенной бомбардировки с воздуха части 38-й и 101-й дивизий не смогли сдержать атаку фашистов и были оттеснены из города в леса юго-восточнее Ярцево. Командующему оперативной группой войск генерал-майору К.К. Рокоссовскому пришлось приложить немало усилий и проявить мужество и выдержку, чтобы задержать отход измотанных непрерывными боями людей, организовать оборону, а потом контратаку, чтобы вернуть утраченные позиции.

В последнюю неделю июля в районе Ярцево кипели не прекращающиеся бои. О степени их ожесточенности говорит тот факт, что с 22 июля по 2 августа железнодорожная станция Ярцево восемь раз переходила из рук в руки и в конце концов осталась за 38-й дивизией. За это время перед ее фронтом фашисты потеряли 3570 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 16 человек пленными, 5 танков, 15 орудий, 50 автомашин, 6 мотоциклов, 34 миномета, 48 пулеметов и сбитыми 5 самолетов. Немалыми были и потери дивизии. С 8 августа группа войск генерал-майора К.К. Рокоссовского переформируется в 16-ю армию, и 38-я входит в ее состав. Вскоре в дивизию вернулся пополненный после боев за Смоленск 343-й стрелковый полк. Чуть раньше на базе батальона 29-го стрелкового полка был развернут полк трехбатальонного состава. Теперь вся 38-я опять была в сборе и удерживала Ярцево до 5 октября. С 7 по 13 октября дивизия сражалась в оперативной группе генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина в Вяземском окружении, где и погибла. Приказом наркома обороны от 27.12.1941 г. она была расформирована “Как погибшая на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками”».

3

Во второй раз 38-я стрелковая дивизия была сформирована зимой 1941—1942 гг. в Среднеазиатском военном округе, в Алма-Ате, сначала как 460-я стрелковая дивизия. И только 31 марта 1942 года она стала называться 38-й.

В мае 1942 года в составе 28-й армии Юго-Западного фронта участвовала в Харьковской наступательной операции. В июне 1942-го вела оборонительные бои на рубежах рек Северский Донец и Оскол. В июле 1942 года 38-я стрелковая дивизия была выведена на переформирование.

Уже в конце месяца соединение было переброшено под Сталинград, где с конца августа 1942 года закрепилось на южной окраине города и вело оборонительные бои до начала контрнаступления.

1 марта 1943 года 38-я стрелковая дивизия была преобразована в 73-ю гвардейскую Сталинградскую дивизию.

4

В третий раз 38-я стрелковая дивизия была сформирована в мае 1943 года на базе стрелковой бригады в Россоши, в Орловском военном округе. В июле она вошла в состав действующей армии. В сентябре 1943 года в составе 40-й армии Воронежского фронта отличилась в наступательных боях на харьковском направлении.

В марте 1944 года дивизии было присвоено почетное наименование «Днестровская», а в апреле ее наградили орденом Красного Знамени.

Но что примечательно. Если с 1918-го по 1-е декабря 1941-го 38-й стрелковой дивизией командовали всего 4 командира (в том числе 2 комдива, 1 полковник), то с декабря 1941-го по март 1943-го – 3 командира (2 генерал-майора и 1 полковник). А дальше – больше: с мая 1943 года по май 1945 года – 3 генерал-майора, 6 полковников и даже 1 подполковник.

Думаю, что эти цифры говорят сами за себя. И о том, как воевали, и о том, как командовали. Не зря в книге «Отцы-командиры» А.З. Лебединцев честно напишет:

«Наша военная история еще не все оценила и не сказала настоящей правды. А тогда, выступая в поход, мы даже не знали, кто командует армией, ибо командующих на ней с сентября 42-го по март 43-го сменилось пять человек. Все неудачи на фронте решались снятием, перемещением, отстранением, переводом военачальников, а не надлежащим обеспечением вооружением, боеприпасами и умением организовать и провести операцию и бой».

А вот что он расскажет про одного из тех десяти комдивов той самой 38-й стрелковой дивизии:

«Командир нашей дивизии полковник Богданов А.В. как-то незаметно был отстранен от командования. Никто не называл причин. Уже будучи на пенсии, я задал этот вопрос бывшему начальнику оперативного отделения штаба дивизии, в то время майору Петрову В.И. Он снятие Богданова объяснил так: “Почти все командиры дивизий, принимавшие участие в формировании, получили звание Героя Советского Союза, а нашему комдиву и начальнику штаба подполковнику Хамову не дали даже обязательных для всех офицеров боевых орденов. Богданов высказал это в резкой форме командующему 27-й армией генерал-лейтенанту Трофименко, возможно, сказал и об урезывании нашей “геройской” разнарядки. Но после того, как я узнал о пленении штаба и роты связи 29-го полка, думаю, что, видимо, и этот грех свалили на него, чтобы не привлекать к ответственности тех, кто посадил небоеспособную дивизию в оборону”.

Назначен Богданов был на нашу дивизию приказом командующего Воронежским фронтом 28 сентября, а отстранен 21 ноября 1943 года. После кратковременного состояния в резерве 6 февраля он был назначен с понижением командиром 995-го полка 309-й стрелковой дивизии и был убит в бою 20 апреля 1944 года».

5

Согласно уточненным данным «Книги потерь» («Великая Отечественная без грифа секретности»), за все годы войны наша армия потеряла: 400 – командиров сухопутных дивизий и бригад (погибшими и умершими) и 163 – пропавшими без вести. А всего получается – 563 командира сухопутных дивизий и бригад. Поистине страшная цифра!

Одной из таких жертв войны по стечению обстоятельств, а не иначе, окажется полковник Коротков Андрей Данилович. О нем мне совсем немного рассказывали ветераны дивизии. Но я, в очередной раз находясь в подольском архиве, все же решил ознакомиться с его биографией, чтобы лучше понять то, о чем придется говорить.

Итак, Андрей Данилович Коротков – родился 17 октября 1899 года в селе Колдино Каргапольского района Челябинской области. В январе 1944-го ему было 44 года. В документах значится: из крестьян (профессия – хлебопашество). Там же указано, что с 1918 года по 1919 год служил в Белой армии рядовым. В 1936 году исключался из партии за сокрытие социального происхождения. Позже был восстановлен.

В Красной Армии с августа 1919 года. В том же году вступил в партию (п/б № 1 996 792).

Бытность в походах: «На Восточном фронте против Белой армии Колчака – 1919. По ликвидации бандитизма на Украине, главным образом банды Махно 1920—1921». Ранений и контузий не имел.

Образование: гражданское – 6 классов или 3 группы; военное – повторное отделение Командного состава Киевского пехотного училища – 1926 год; курсы при ВВА им. Ворошилова – 1943 год.

Женат.

Службу в РККА начал красноармейцем на Восточном фронте в 3-м Крепостном полку в августе 1919 года. Затем там же помощник командира взвода до декабря 1919 года.

С 1920 г. – командир взвода 185-й отдельной бригады Восточного фронта, а затем Харьковского военного округа. В 1921-м – курсант школы политруков 11-й стрелковой дивизии Харьковского военного округа.

Далее, как в документе:

«552 с(трелковый) п(олк) 11 с(трелковой) д(ивизии) ХВО – политрук 1921—3—1921—4.

62 стрелковый полк 7 с.д. ХВО – политрук 1921—4—1921—8.

60 с.п. 7 с.д. ХВО – политрук 1921—8—1922—7.

20 с.п. 7 с.д. ХВО – политрук 1922—7—1923—3.

20 с.п. 7 с.д. УВО – политрук 1923—3—1925—9.

При Киевском пехотном училище УВО отдела среднего Комсостава 1925—9—1926—8.

20 с.п. 7 с.д. УВО – политрук 1926—8—1927—6.

20 с.п. 7 с.д. УВО – Врид. пом. ком. полка по полит. части. 1927—6—1927—7.

20 с.п. 7 с.д. УВО – политрук 1927—7—1927—10.

20 с.п. 7 с.д. УВО – командир роты 1927—10—1928—12.

20 с.п. 7 с.д. УВО – ответственный секретарь партбюро полка 1928—12—1929—12.

285 с.п. 95 с.д. УВО – командир роты 1931—10.

30 отдельный пулеметный батальон КВО, командир учебной роты 1931—10—1934—1.

32 У(крепленный) р(айон) – командир 14 отд. пульроты 1934—1—1935—3.

52 УР КВО пом. командира 30 отд. пульбата (пулеметного батальона) 1935—3—1936—9.

45 стр. див. командир батальона 1939. 28.5. ХВО 0637.

Проскуровское с/пулем. уч(илище) командир батальона (19) 40.27.4. НКО 01818 и (19) 40.15.2.КОВО 0311».

Воинские звания до войны:

«майор» – 1938 г. НКО № 0251 и «подполковник» – 1940 г. № 04 658.

Награды до войны: медаль «XX лет РККА».

Из аттестации на майора Короткова А.Д. (командный, пехота, ВУС № 2):

«Должности и обязанностям командира батальона соответствует. Достоин назначения для самостоятельного командования батальоном УРА».

«Военную присягу 1939.23.2.».

18 февраля 1942 года подполковника Короткова назначают командиром 835 стрелкового полка 237 стрелковой дивизии (Сибирский военный округ 18 февраля № 008).

27 мая 1942 года он – командир 835 сп 237 сд 2-й резервной армии.

25 октября 1942 года он – командир 835 сп 237 сд Воронежского фронта.

20 марта 1943 года Коротков – и(сполняющий). д(олжность). заместитель командира дивизии (№ 0141 38 Армии).

13 апреля 1943 года (НКО № 02 686) присвоено очередное воинское звание «полковник».

Распоряжением Воронежского фронта от 9 мая 1943 года направлен на учебу в ВВА им. Ворошилова.

3 января 1944 года назначен командиром 38-й стрелковой дивизии (приказом 27 Ар.).

В годы войны был награжден орденами: Александра Невского, Красного Знамени, Ленина.

Так в самом первом представлении Короткова к награде говорилось:

«В наступательных боях с войсками немецко-фашистских захватчиков 835 стрелковый полк под командованием тов. КОРОТКОВА нанес чувствительные потери живой силе и технике противника.

За время боев 27.1.43 г. по 3.2.1943 г. его полк уничтожил до 1900 солдат и офицеров, автомашин – 400, мотоциклов – 244, орудий – 28, минометов – 64, пулеметов – 52, велосипедов – 640, лошадей – 610, повозок – 750 и другие.

Захватил солдат и офицеров 1190, автомашин – 515, мотоциклов – 270, орудий – 26, минометов – 40, раций – 8, пулеметов – 75, велосипедов – 400, лошадей – 910, повозок – 1680 и другие.

В ожесточенных боях с противником полк занял 10 населенных пунктов.

Проявил смелость, и умение вождения войск в современной войне.

Представляется к правительственной награде ордену Красного Знамени.

Командир 237 стрелковой дивизии
полковник Дьяконов

Начальник штаба 237 стрелковой дивизии
полковник Мароль

6 февраля 1943 г.» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525.

Д. 468. Л. 385).

А вот что говорилось во втором наградном листе:

«В наступательных боях с 27.1. по 3.2.1943 года 835 стрелковый полк под командованием тов. КОРОТКОВА А.Д. нанес чувствительные потери живой силе и технике противника, за что тов. Коротков представлен к Правительственной награде орденом Красного Знамя.

В дальнейшем 835 стрелковый полк вновь нанес значительные удары противнику и занял важные укрепленные пункты.

В ночь на 3.3.1943 года 835 сп с боем занял город СУНДЖА, захватив при этом следующие трофеи: автомашин – 50, тракторов – 12, тягачей – 7, орудий – 4, складов с зерном – 5, складов с картофелем – 6 и типографию.

За время боев за СУНДЖА полком уничтожено до 150 солдат и офицеров противника, автомашин – 30, пулеметов – 7, лошадей – 50 и взято в плен 2 солдата.

В ночь на 7.3.1943 г. 835 сп после решительной атаки занял укрепленный пункт СВЕРЛИКОВЩИНА. В бою за этот пункт уничтожено до 300 солдат и офицеров противника, орудий – 3, лошадей – 50, повозок – 40, пулеметов – 12, захвачено трофеев: орудий – 4, пулеметов – 7, лошадей с повозками – 30 и другие, захвачено пленных – 2.

В результате четкого и правильного взаимодействия танков, артиллерии и пехоты полк всегда выполняет точно задание.

Достоин вторичной правительственной награды ордена “Александр Невский”.

Командир 237 сд
Генерал-майор Дьяконов
9 марта 1943 г.» (ЦАМО. Ф.33. Оп. 682526.
Д. 366. Л. 269).

6

Трудно себе представить, но факт остается фактом, согласно все той же «Книге потерь», в годы войны наша армия потеряла всего 566 начальников штабов сухопутных дивизий и бригад. В том числе 345 – погибшими и умершими, 221 – пропавшими без вести.

Начальником штаба 38-й стрелковой дивизии был Петр Филиппович Хамов. Он родился 17 декабря 1913 года в с. Подгорном Мраковского района Башкирской АССР. Русский. Член ВКП(б) с 1937 года. В 1931 году окончил 9 классов. В Красной Армии с 25 сентября 1931 года. В 1934 году окончил Военную Ульяновскую бронетанковую школу.

Далее его прохождение службы было следующим:

«Командир взвода танкового батальона 14 механизированной бригады МВО 00107 31.7.34.

Командир взвода Учебного танкового батальона 13 механизированной бригады МВО 007 7.1935 г.

Командир роты 31 отдельного танкового батальона 13 механизированной бригады ЗабВО МВО 22.9.37...

Помощник командира батальона по с/ч 33 отдельный танковый батальон ЗабВО 0102 19.2.40 г.

Слушатель академии Фрунзе НКО 03235 16.7.1940 г.

Офицер Генштаба Красной Армии НКО 02673 17.9.41 г.

Офицер при штабе – Генштаб Красной Армии НКО 03431 29.5.42 г.

В распоряжении Центрального штаба партизанского движения НКО 02987 3.5.43 г.

Начальник штаба 38-й стрелковой дивизии НКО 03124 15.5.43 г.».

Присвоение воинских званий:

«лейтенант НКО 0038/п 13.1.1936 г.

старший лейтенант НКО 0685 28.3.39 г.

капитан НКО 04009 27.11.41 г.

майор НКО 06878 11.11.42 г.

подполковник ГУК НКО 01659 23.10.43 г.».

В 1943 году награжден орденом Красного Знамени.

7

Начальников отделений управлений сухопутных дивизий за годы войны было потеряно гораздо меньше, чем командиров дивизий (бригад) и начальников штабов дивизий (бригад). Однако и им досталось несладко. Всего начоперов было потеряно 313 человек (в том числе 160 – погибли и умерли, 153 – пропали без вести).

Начальником 1-го отделения (оперативного) штаба 38-й стрелковой дивизии был Василий Иванович Петров.

Родился 2 (15) января 1917 года в с. Чернолесское Ставропольского края в семье служащего, русский. В 1935 г. окончил 10 классов средней школы, а в 1937 года – «2 курса Орджоникидзевого педагогического института».

Спустя десятилетия Василий Иванович так расскажет о своей довоенной жизни:

«Как ни покажется странным сейчас, я мечтал с детства стать учителем. Да-да, не удивляйтесь. После окончания педагогического техникума два года преподавал в школе, поступил в пединститут. А в 1939 году отменили все отсрочки студентам, учителям – и меня призвали в армию».

Начал свою службу В.И. Петров рядовым бойцом в кавалерии. Как пишет его фронтовой товарищ А.З. Лебединцев: «Затем были учеба в полковой школе, первая командная должность – командир отделения, первая награда – знак “Отличник РККА” (в ту пору весьма редкий и почитаемый, так как приказ о награждении подписывался народным комиссаром обороны). В 1941 году, в самый канун войны, Петров окончил краткосрочные курсы младших лейтенантов – и сразу на фронт. В боях под Одессой был ранен и эвакуирован в Сочинский военный госпиталь.

После излечения он направляется в 72-ю Кубанскую казачью дивизию. Первоначально Петров командует сабельным взводом в 193-м кавалерийском полку, сражается на Керченском полуострове. Там, напомним, в мае 1942 года советские войска потерпели тяжелое поражение. С трудом эвакуировавшиеся из Крыма остатки дивизии стали основой для формирования 40-й отдельной мотострелковой бригады, и Петров, уже начальник разведки кавполка, назначается начальником штаба отдельного мотострелкового батальона, а позднее получает должности командира батальона автоматчиков и заместителя начальника штаба бригады по оперативной работе.

40-я бригада была брошена на удержание Туапсинских горных перевалов, через которые рвались гитлеровские егеря к Черному морю. Бои носили упорный характер при острой нехватке боеприпасов и продовольствия, так как их подвоз осуществлялся по горным тропам и бездорожью. Но воины бригады не только выстояли, но и нанесли противнику невосполнимые потери. Из многих соединений Северо-Кавказского фронта только 40-я бригада да одна стрелковая дивизия были награждены орденами Красного Знамени.

В январе 1943 года части бригады во взаимодействии с соседними соединениями перешли в решительное наступление. Освобождали город Апшеронск, станицы Нефтяную, Рязанскую, Старокорсунскую, а 12 февраля вместе с подразделениями 31-й стрелковой дивизии овладели столицей Кубани – Краснодаром.

В майские дни 1943 года все штабы стрелковых, мотострелковых и горнострелковых бригад были переброшены под Воронеж в состав Степного резервного фронта для формирования здесь стрелковых дивизий. Капитан Петров по преемственности теперь назначается начальником оперативного отделения штаба 38-й сд (третьего формирования под этим номером с начала войны).

Части, укрытые в лесных массивах, получали личный состав, вооружение и боевую технику. На оперативное отделение штаба дивизии легла главная обязанность по организации учебы поступающего пополнения. Шло боевое сколачивание подразделений, все учения сопровождалось стрельбой из стрелкового оружия, огнем артиллерии и минометов».

Вот, например, как характеризуют капитана Петрова в должности помощника начальника штаба по оперативной работе 40-й отдельной мотострелковой бригады в самом первом представлении к награде командир и начальник штаба:

«В борьбе с немецкими оккупантами проявляет мужество, отвагу и героизм.

С 3 по 9.8.1942 г. будучи нач. Штаба 3-го Батальона в районе Армавир, а затем с. Лабинская лично сам неоднократно руководил наступлением отдельных подразделений.

3.8.42 г. под Армавиром батальоном было уничтожено 7 танков противника, до 2-х взводов автоматчиков. В районе Лабинская уничтожено: 1,5 батальона пехоты, 6 бронетранспортеров, 5 средних танков, 3 миномета и сбит 1 самолет.

3.8.42 г. батальон по приказу отошел из Красная Поляна (Армавир) на следующий рубеж обороны, при отходе был убит комиссар батальона и остался в селении. Капитан Петров сам лично с 5-ю бойцами через 6 часов после боя, ночью возвратился в село, занятое противником, и вынес убитого комиссара.

22.8.42 г. Бригада находилась в с. Баговской с целью выяснения действий противника и уточнения его сил. Тов. Петрову было задание связаться с партизанскими отрядами Тульского, Московского, Кошехабльского районов. Тов. Петров с 3-мя красноармейцами проехал более 200 км в тылу противника, связался со всеми отрядами и доставил ценные сведения о противнике.

Капитан Петров достоин Правительственной награды – Ордена Красной Звезды.

Командир бригады (подпись)

Начальник штаба (подпись)

1.11.42 г.» (ЦАМО.Ф. 33. Оп. 682525.

Д. 232. Л. 236).

Второй наградной лист, уже на майора Петрова, подписал начальник штаба 38-й стрелковой дивизии майор Хамов:

«Майор Петров, за время боевых действий 38 стрелковой дивизии, работая начальником оперативного отделения штаба дивизии, многократно, мужественно и умело выполнял ответственные поручения командования дивизии, в боях под городом Сумы, Гадяч, контролируя выполнение приказа командования, непосредственно в передовых подразделениях способствовал успешному развитию боевых действий.

При форсировании реки Днепр оперативно и умело организовал управление частями дивизии в боях на правом берегу реки Днепр в районе высоты 205, 2, под огнем противника, обеспечил выполнение боевого приказа командования 343 стрелковым полком.

За мужество, проявленное в боях под городом Сумы и городом Гадяч, при форсировании реки Днепр, за умелое оперативное управление частями дивизии достоин награждения орденом “Отечественной войны 2 степени”» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1103. Л. 245).

8

В 38-й стрелковой дивизии командиром 70-й отдельной разведроты служил лейтенант Зайцев. Человек, в соединении известный, но не столько по своей должности, сколько по своим боевым заслугам.

Родился он в д. Сутупов Данковского района Рязанской области в 1924 году. В 1941 году окончил педагогическое училище в г. Лебедянь и в октябре ушел на фронт. Вот только уже 28 ноября война для него временно закончилась. Сам Алексей Николаевич вспоминает об этом не без юмора:

«Середина ноября 1941 года. Собрали нас, человек 18, и сказали, что надо выполнить правительственное задание. Отправили копать окопы для артиллерии. Грунт уже начал подмерзать. Стали мы лопатами, даже ломов не было, рыть те траншеи и котлованы. Дырку пробиваешь, а потом корку разламываешь... Тяжело, но работаем, стараемся. Прилетела немецкая “рама” – самолет-разведчик. Сделал пару кругов и улетел. Мы опять за работу. Вскоре появились самолеты, начали кружить и, завалившись набок, сбрасывать бомбы. Вот одна из них меня и накрыла.

Так и закончилось мое участие в обороне Москвы.

Выкопали меня, вытащили... Сколько тогда наших погибло – я и не знаю. Оказался в госпитале. Очнулся, вижу: военные ходят, губами шевелят. В голове у меня чириканье, как птички на кусте поют. Потом тиканье часов. Я начал писать врачам, что со мной происходит. Женщина-врач, лечившая меня, написала в ответ на листочке, что я молодой и должен победить болезнь. До конца февраля я пробыл в госпитале.

А мне без трех месяцев 18 лет. Из документов имелся только комсомольский билет. Увидел одного военного с медалью, при ремнях, подошел к нему. Он мне объяснил, как рапорт писать. Начальник госпиталя прочел и приказал подойти завтра. Так я с бумагами оказался в военкомате. А это уже начало 42-го года. На полтора месяца дали отпуск, чтобы подлечился.

И вот нас восьмерых собрали в военкомате. Я всех по фамилиям помню... Все ребята толковые были, а меня старшим назначили. Я их в училище доставил, документы сдал, сам в госпиталь пошел. Там соврал, что чувствую себя хорошо, что в голове уже не чирикает и не тикает. Так я оказался в Саранском пулеметном училище.

Быстро овладел “станкачом”. Приказали готовить стрельбы с закрытых позиций, это когда мишени за бугром. Я все должен был точно рассчитать. Установили ростовые мишени, прибыли офицеры... Зарядили ленту из тридцати патронов. Я нажал и отпустил, ведь пулемет при стрельбе сам плавно идет. Расстояние – 400 метров. Пошли проверять. Из десяти мишеней три были поражены. Это результат. Училище я окончил не младшим лейтенантом, как остальные из нашей группы, а лейтенантом».

По распределению лейтенант Зайцев попал на Воронежский фронт командиром пулеметного взвода (31 мая 1943 г.). А это уже была Курская дуга. Именно там юного лейтенанта и послали в разведку.

«Времени на подготовку было несколько часов. Даже познакомиться толком с разведчиками не успел. В 23.00 мы шестеро – все фамилии навсегда запомнил – пошли в разведку. Вышли с кукурузного поля на скошенное пшеничное и поползли. В ночном небе вспыхивали и зависали осветительные ракеты. Нейтральную полосу длиной метров 400 преодолевали около двух часов. До бруствера первой траншеи доползли незамеченными. Внезапно над траншеей возник силуэт... «Шо цэ? Чугун на колу чи фриц в каске?» – шепотом спросил у меня разведчик Жиленко. Немец, а это был наблюдатель, что-то заподозрил. Я приказал стрелять, а сам спрыгнул в траншею. Тут же на меня навалился другой немец. Здоровенный, как медведь. Я успел вывернуться, но он рассек мне ножом бровь и ранил в правую руку. Я оказался чуть проворнее, успел выстрелить в него из пистолета. Пока изымали документы, появились еще немцы. Завязался рукопашный бой в траншее. Крикнул своим, чтобы отходили, а сам, дав очередь, выскочил из траншеи, да не на нашу сторону. Где там разберешься? Начал выбираться, наблюдая за позициями немцев. Они стреляли, и по трассирующим пулям можно было определить, где находятся огневые точки. До своего полка добрался только на рассвете. Меня встретили как воскресшего, думали, что я погиб, как и Марков с Бугаевым...

Конечно, если быть честным, тот поиск не удался. Хотя пользу принес. Ведь получилось что-то вроде разведки боем. Однако меня это не утешало. Тогда я услышал про неписанный закон разведчиков: сколько уходит в поиск, столько и вернуться должно – живыми, ранеными или мертвыми».

В сентябре 1943 года лейтенанта Зайцева назначили в 48-й стрелковый полк 38-й стрелковой дивизии командиром взвода пешей разведки, а уже в ноябре того же года – командиром разведроты дивизии. За ту же осень – три боевых ордена.

Первой наградой разведчика стал орден Красной Звезды:

«Лейтенант Зайцев за период боевых действий полка во время форсирования реки Днепр и при расширении плацдарма правобережья, командуя работой автоматчиков 48 стрелкового полка, первым со своей ротой переправился на правый берег и закрепился на

нем. В одну из атак, превосходящими силами противника Зайцев воодушевил личным примером своих бойцов и повел роту в контратаку, уничтожив 115 немецких солдат и офицеров и занял высоту.

В дни расширения правобережного плацдарма Зайцев несколько раз водил роту в атаку, уничтожая живую силу и технику противника и имея успех.

Представляю к Правительственной награде ордену Красной Звезды.

Командир 48 стрелкового полка
майор Кузминов 19 октября 1943 г.»
(ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044.
Д. 1108. Л. 23).

Следующими стали два ордена Красного Знамени, один из которых разведчик получил вместо звания Героя Советского Союза:

«Командир взвода пеших разведчиков лейтенант Зайцев с 24 по 25 сентября 1943 г., получив приказ на разведку обороны противника на правом берегу Днепра, на переплавных средствах, поделанных из подручного материала, пользуясь вечерними сумерками, под сильным огнем противника первым форсировал реку без потерь. Точно установил передний край обороны и расположение огневых точек противника.

29 сентября 1943 г. противник силами до батальона, пользуясь сплошным туманом, перейдя в контратаку на стык 48 стрелкового полка и 165 стрелкового полка 61 стрелковой дивизии, вклинился в нашу оборону. Лейтенант Зайцев со своим взводом сильным огнем из винтовок и автоматов задержал часть наступающего противника, перешел в контратаку уничтожил до роты немецких солдат, чем сорвал наступление немцев и дал возможность другим подразделениям удержаться на занятых рубежах правобережья.

Представляю к высшей правительственной награде, званию – Герой Советского Союза.

25 октября 1943 г.
Командир 48 сп майор Кузминов»
(ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044.
Д. 1103. Л. 227).

Глава 4

48-й стрелковый полк 38-й стрелковой дивизии

1

В книге «Отцы-командиры» бывший помощник начальника штаба 48-го полка А.З. Лебединцев так воспроизводит события осени 1943 года:

«Заканчивался октябрь 1943 года. Наш плацдарм так и не удалось расширить, чтобы нанести удар по Киеву, однако мы смогли приковать на этом участке фронта десять вражеских дивизий, в том числе пять танковых и одну моторизованную. 30 октября наша дивизия была выведена в резерв командующего 27-й армией. Передав свою полосу 155-й стрелковой дивизии, наши части сосредоточились на западной окраине Григоровки, в которой за полтора месяца непрерывных боев все строения были разрушены или сожжены. Повсюду торчали только остовы печей с трубами, а жители переселились в погреба и подвалы.

3 ноября совершенно неожиданно в полку снова появился майор Бунтин, снятый за трусость под Сумами, а теперь снова восстановленный в командовании полком, а майор Кузминов откомандировывался в распоряжение командарма, где получил полк в 180-й стрелковой дивизии. Особого церемониала прощания с полком не было. Бунтин эти три месяца где-то в другой гвардейской дивизии исполнял обязанности заместителя командира полка и даже не считал, что это было для него понижением. Начальник артиллерии майор Бекетов при первой же встрече с Бунтиным заявил о том, что служить под его началом не намерен, и подал рапорт о переводе в другую часть. Его просьба была удовлетворена, так как 23 октября был подписан Указ о присвоении ему звания Героя.

До полка дошел слух о том, что дивизия выводится в резерв на доукомплектование. Одновременно из штаба дивизии позвонил подполковник Хамов П.Ф. и разговаривал со мной почти открыто о получении полком пополнения, обмундирования и переброске его к переднему краю. Я был немало удивлен такой неосторожностью с его стороны и забывчивостью соблюдать скрытность управления. Как позже выяснилось, и по радио велись почти открытые разговоры о прибытии на плацдарм новых сил, тогда как ночами стали выводить с него 3-ю гвардейскую танковую армию.

Уже 3 ноября штабом дивизии было приказано батальон под командованием Кошелева провести несколько раз колонной в Большой Букрин, чтобы его прохождение было наблюдаемо немцами с переднего края, а отвод в тыл проводить скрытыми балками. Читатель еще познакомится с моим рассказом о выдвижении штабных подразделений из хутора Полтавского в сторону Ново-Ротовки на виду у противника. Так получилось и теперь. Спускаясь с холма, мы трижды подвергались обстрелу вражеской артиллерии и несли потери в живой силе и лошадях. Я сам участвовал в этих маршах и всякий раз сообщал по телефону о потерях подполковнику Хамову. Однако все повторялось снова.

4 ноября мы получили зимнее обмундирование и переодели в него наших солдат и сержантов. К вечеру приказано было передать их с вооружением в другую дивизию, которая оставалась на плацдарме, а офицерскому составу и спецподразделениям приказано было следовать по маршруту: Зарубинцы—Вьюнице—Мал Каратуль. Ночью по наплавному мосту мы переправились на левый берег и прибыли в Переяслав-Хмельницкий. Неожиданно вместо следования в тыл нас повернули на север, и 7 ноября мы встретили в селе Ерковцы, где был митинг и вручение орденов и медалей за форсирование – тех орденских знаков, какие оказались у дивизии в наличии...

Потом прошли Рогозов и Борисполь. С 8 на 9 ноября снова на лодках переправляем подразделения боевого обеспечения через Днепр в районе Вита-Литовская в Ходосовку и далее следуем на Дмитриевичи—Безродичи—Нещеров—Обухов—Красное, и к 12 часам 10 ноября полк сосредотачивается в Козиевке. А на следующий день полк занимает рубеж обороны за селом Долина.

Как читателям, возможно, известно, наши войска, нанеся стремительный удар с Лютежского плацдарма, 7 ноября освободили столицу Украины Киев. Войска Воронежского фронта начали развивать наступление в западном и юго-западном направлениях. Левый фланг наступавших войск оставался открытым от Днепра, а там еще удерживалась вражеская группировка вокруг Букринского плацдарма. И командование решило бросить на прикрытие фланга нашу небоеспособную дивизию, совсем лишенную пехоты. Приказ есть приказ. Его нужно выполнять, хотя в данном случае правая рука не ведала, что делает левая. Зачем тогда нужно было передавать солдат в другую дивизию на плацдарме? Дивизия оказалась в пределах Обуховского района Киевской области. Странная ситуация: ничего не знаем ни о противнике, ни о своих соседях. Штаб сначала разместился в Щербаневке, потом перешел в село Долина. Командиры подразделений вышли за село и своим присутствием “обозначили” оборону, подстелив на снег соломки и установив пулеметы на открытых позициях. Хорошо хоть артиллеристы были укомплектованы наполовину, да еще были связисты и разведчики. (...)

С небольшого села Долина и только в наш полк 14 ноября мы призвали 72 человека. Только однофамильцев Кияница было 13 человек, Киященко и Плюта по 9 и т.д. Поступило пополнение в количестве 100 человек из Киева, 40 человек из Сумской области и из других областей Украины, так что мы смогли укомплектовать полностью два стрелковых батальона. В командование ими вступили старшие лейтенанты Кошелев А.В. и Лысынчук М.Ф. (...)

Оба они ходили по дворам и призывали под наше Боевое Знамя всех, кто остался дома, и тех, кто успел подрасти за два года оккупации. В чем были дома военнообязанные, в том и вышли на оборону своего родного села со своими лопатами. Когда вырыли окопы, им вручили винтовки, автоматы, пулеметы. Некоторые по месяцу и более оставались в своих кожаных или жупанах, а то и свитках, треухах и “взуттях”. Некоторые так и погибли в десяти километрах от дома под Германовской Слободой, где за 27 и 28 декабря дивизия потеряла 132 человека убитыми и 285 человек ранеными...»

2

За годы войны наша армия потеряла погибшими и умершими 2545 командиров сухопутных полков. 1114 командиров полков пропали без вести в горниле сражений. А всего — 3659!

Только по этой причине Иван Михайлович Бунтин мог быть назначен командиром 48-го стрелкового полка.

Он родился в августе 1907 года в селе Хованщина Пензенской области. Из рабочих. Член ВКП(б) с 1930 г. (п/б № 2162 457).

Образование:

«9 классов Батумской средней школы в 1937 г.; Полтавская Военно-Политическая школа — полный курс в октябре 1933 г.; 2-месячные курсы преподавателей истории ВКП(б) при Академии им. Ленина в 1938 г.».

В Красную Армию призван в 1929 году Беловским РВК Пензенской области.

Прохождение службы:

«Курсант — 5.1930 г.

Политрук батареи 1-й артполк 1-й Кавказской СД — 10.1933 г.

Политрук батареи 25 СП 1 Кавказской СД – 5.1934 г.

Исполнял должность преподавателя истории – Тбилисское Военное училище. Зак. ВО № 99 от 2.9.37 г.

Секретарь парторганизации 1-й Дивизии Тбилисского горно-артиллеристского училища. По училищу 364 25.12.38 г.

Военком 542 Легко артиллерийский Полк. ПУРКА № 04 263 25.9.39.

Военком 423 гв. Артиллерийский полк 2 гв. Артиллерийской дивизии ВС Южн. фр. 01642 от 24.6.1942 г.

Слушатель курсы “Выстрел” МВО НКО СССР 0947 11.2.1943 г.

Командир полка 48 стрелковый полк 38 СД 2 Укр. Фр. 4.1943 г.».

Присвоение званий: «Старший политрук НКО СССР 01371/п – 16.8.1938 г.

Батальонный комиссар НКО СССР 00 355/п – 16.10.1939 г.

Старший батальонный комиссар НКО СССР 0657/п – 25.1.1942 г.

Майор...»

Участие на фронтах:

«Западный фронт с июля 1941 г. по февраль 1942 г., Южный фронт с февраля 1942 г. по сентябрь 1942 г., 2 Украинский фронт с апреля 1943 по февраль 1944...»

Командиром 48-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии назначен 12 марта 1943 года (011—1 Украинского фронта).

С должности командира полка отстранен 25 февраля 1944 года. До этого награжден не был.

3

За годы войны наша армия потеряла 2147 начальников штабов сухопутных полков, в том числе 1372 – погибшими и умершими, 775 – пропавшими без вести.

Если бы не такие потери, то Василий Васильевич Ершов никогда не стал бы занимать должность начальника штаба 48-го стрелкового полка.

Он родился 10 апреля 1911 года. В его послужной карте записано следующее:

«Бригадная школа 58 стрелковой дивизии МВО курсант 1933 Декабрь.

Полковая школа 147 стрелкового полка 49 с.д. МВО курсант 1934 сентябрь.

Рота снайперов 147 с.п. 49 с.д. МВО командир отделения 1934 ноябрь.

Полковая школа 147 с.п. 49 с.д. МВО пом. командира взвода 1935 октябрь.

Курсы мл. комвзводов 147 с.п. 49 с.д. МВО курсант 1936 ноябрь.

4 с.р. 147 с.п. 49 с.д. МВО командир взвода 1937 июнь.

Курсы мл. лейтенантов 49 с.д. МВО курсант. 1937 октябрь.

9 стрелковая рота 147 с.п. 49 с.д. МВО командир взвода 1938 апрель...

147 стрелковый полк командир транспортной роты 1939 01.

32 запасной стрелковый полк командир учебной роты 1939 10.

483 стрелковый полк начальник полковой школы 1940 10.

48 запасной стрелковый полк пом.нач.штаба 1941 07.

11 отдельная стрелковая бригада пом. нач. 5 отделения 1941 09.

11 отдельная стрелковая бригада нач. 1 отделения 1942 04.

Военная академия им. Фрунзе слушатель 1942.

48 стрелковый полк начальник штаба 1943 05».

Там же есть и такие записи:

«На должности пом. ком. роты может быть выдвинут в очередном порядке. На курсы усовершенствования можно послать, т.к. в этом нуждается. Присвоения в/звания лейтенант достоин в очередном порядке.

Занимаемой должности командира стрелкового взвода соответствует. В военное время можно использовать пом. ком. роты.

23.2.39 Принял военную присягу.

Курсы младших лейтенантов 6 мес. 1938.

Ускор. Курс ВАФр. 6 мес. 1943».

Присвоение званий:

«младший лейтенант 1938 01531/н НКО

лейтенант 12.12.40 05 568

старший лейтенант 1941 г. 042 8 армия

капитан 8.04.1942 № 0768 ЛФ

майор 4.05.1943 02 991 НКО».

В отличие от своего командира успел Ершов получить и один орден Красной Звезды:

«С 26 июня 1941 года участвует в боях с немецкими захватчиками.

27.6.42 г. он в составе 11-й отдельной стрелковой бригады, действующей на Ленинградском фронте, будучи в должности помощника начальника 1-го отдела, все время находился в боевых порядках наступающей бригады.

6 мая 1942 г., находясь в той же бригаде, будучи начальником оперативного отдела, получил задачу с отрядом форсировать реку Неву, форсирование реки Невы произвел. Занял левый берег реки по фронту 3 километра в глубину 1 ½ километра. 15 дней выдерживал неимоверный натиск противника, водя личный состав в контратаки и лишь по приказу командования переправил личный состав на правый берег Невы, покинул берег противника последним. Непрерывно находился в действующих частях армии до конца 1942 года. За исключением перехода на излечение от ран.

Сейчас готовит полк и штаб к предстоящим боям с фашистами.

Командир 48 сп майор Бунтин

20 июня 1943 г.»

(ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526.

Д.1379. Л. 219).

Как можно заметить, написано это представление задним числом на другом фронте и в другой части.

4

Александр Захарович Лебединцев родился 18 сентября 1922 года в станице Исправной Зеленчукского района КЧР, в семье казака-крестьянина. После окончания семилетки (1937 г.) два года работал заведующим районной библиотекой и год старшим пионервожатым средней школы. В Красной Армии с 1941 года.

В ноябре 1941-го окончил 1-е Орджоникидзевское пехотное училище. Далее ознакомился с выпиской из его личного дела, которую он мне подарил задолго до своей смерти:

«Присвоено воинское звание “лейтенант” приказом 56 армии № 011 от 01.11.1941 г.

27.1.1942 г. — командир взвода пешей разведки 1135 сп 339 сд Пр. 9 А. № 0358 от 27.12.1941 г.

Присвоено воинское звание “старший лейтенант” — приказ 56 А № 133 от 03.03.1942 г.

15.04—2.6.1942 г. — командир стрелковой роты 1135 сп приказ 56 А № 078 от 22.4.1942 г.

02.06—10.07.1942 г. адъютант старший стр. батальона 1135 сп 339 сд приказ 1135 сп № 07 от 02.06.1942 года.

10.07.—18.09.1942 г. откомандирован на Курсы усовершенствования комсостава ЮЗФ.

18.09.1942—01.1943 г. – командир учебного взвода на армейских курсах младших лейтенантов 47 А.

01—11.05.1943 г. офицер связи командования штаба 47 А.

06.07.1943 г. – ПНШ по тылу 48 сп 38 сд приказ Степного фронта № 2798 от 18.09.1943 г.

07.10.43—05.1944 г. ПНШ-1 (по оперативной работе – ЗНШ полка) приказ 40 армии № 056/н от 29.5.1944 г. 2 Украинский фронт».

Дополняет все эти звания, должности и даты представление Александра Захаровича к ордену Красной Звезды:

«Старший лейтенант Лебединцев в период боевых действий полка под селением Васильевка, будучи Помощником Начальника штаба полка по разведке, получил задачу организовать сводный отряд с задачей зайти во фланг противнику и помочь наступающим подразделениям овладеть Васильевкой. Целый день шел напряженный бой, противник упорно оборонял важный объект на подступах к городу Сумы, к вечеру бой разгорелся с новой силой, улучив удобный момент, Лебединцев с отрядом атаковал и выбил из села противника.

В этом бою отряд уничтожил до взвода солдат противника. Сам он застрелил несколько солдат и обер-лейтенанта, захватив при этом сумку со штабными документами, контрольного пленного и трофеи. Овладев и закрепившись в Васильевке, отряд в течение ночи отбил 3 контратаки противника. Работая первым Помощником Начальника штаба в боях на правом берегу реки Днепр, особенно отличился в бою 29 сентября 1943 года. Противник, перейдя в наступление, пытался во чтобы то ни стало вклиниться на стыке с соседом. В самый разгар боя он с группой бойцов выдвинулся на фланг, наладил связь и отбивал атаки противника, непрерывно информируя вышестоящий штаб об обстановке, тем самым предотвратил замыслы противника и обеспечил выполнение задачи.

Неутомимый грамотный командир, любит и ценит штабную работу. Представляю к правительственной награде ордену Красной Звезды.

Командир 48 стрелкового полка

майор Кузминов

18 октября 1943 г.» (ЦАМО. Ф.33. Оп.686044.

Д.1103. Л. 240).

5

Старший лейтенант А.В. Кошелев в 48-м полку командовал стрелковым батальоном. Как скажет о нем Александр Захарович, «воевать начал еще в Крыму сержантом, потом командовал пулеметным взводом под Туапсе, за отличия в боях был награжден орденом Красного Знамени и произведен в офицеры. Командовал стрелковой ротой, потом был заместителем командира батальона до Днепра. Теперь командовал батальоном. Образование военное у него было в пределах полковой школы, но опыта, деловой хватки и воинской доблести было вполне достаточно, чтобы занимать этот пост. Он один из комбатов, который воевал до Дня Победы, так и закончив войну командиром батальона в звании “майор”».

Более полно о комбате от Бога напишет А.Н. Зайцев:

«В армию Кошелев был призван в 1938 году, службу проходил в 48-м кавалерийском полку 6-й Чонгарской трижды орденоносной имени С.М. Буденного дивизии 6-го корпуса. Полком командовал И.А. Плиев, корпусом – А.И. Еременко.

В 1939 году красноармеец Кошелев участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию. Трудолюбивый, крестьянский парень, он в службе отличался старанием, в боевой учебе – прилежностью, на учениях – сноровкой и находчивостью и скоро стал в полку

лучшим из лучших. Однажды комкор Еременко собрал отличников боевой учебы и в заключение беседы спросил:

– Кто из вас желает отправиться на помощь штурмующим линию Маннергейма?

Желающими оказались все.

В начале 1940 года на карельском перешейке Кошелев принял боевое крещение, получил первое ранение и первую государственную награду – медаль “За отвагу”.

Свою довоенную службу он заканчивал в только что созданном Прибалтийском военном округе. Домой, в родной Георгиевск, вернулся поздней осенью 1940 года сержантом запаса.

Но недолго довелось ему заниматься мирным трудом. Грянула Великая Отечественная война. Не стал Алексей дожидаться, когда начнется мобилизация людей его возраста, и 23 июня 1941 года уже был в военкомате.

С декабря 41-го – на Крымском фронте, в составе 72-й кавалерийской дивизии по льду форсировал Керченский пролив, освобождал города Керчь и Феодосию.

В мае 1942 года Крым пришлось оставить. На Тамани на базе 72-й кавдивизии была сформирована 40-я отдельная мотострелковая бригада. Командиром был назначен генерал Н.В. Цепляев, начальником штаба – полковник Балдынов, начальником оперативного отделения – капитан В.И. Петров.

В составе только что рожденной бригады Алексей Кошелев участвовал в жарких боях в районе Краснодара, вскоре был назначен командиром пулеметной роты.

Как-то на одной из скалистых высот близ Туапсе закрепились два стрелковых взвода и пулеметчики лейтенанта Кошелева.

Четверо суток почти непрерывно шли бои за ту высоту. В промежутках между яростными атаками фашисты бомбили ее с воздуха, обстреливали артиллерией и минометами. Около тридцати раз пытались они сбросить наших воинов с вершины, но бесполезно. Защитники высоты не отступили ни на шаг.

Когда вышли из строя все офицеры оборонявшейся стрелковой роты, лейтенант Кошелев принял командование на себя, ввел в бой пулеметный резерв и снова обратил фашистов в бегство.

На четвертый день гитлеровцы, собравшись с новыми силами, полезли в решающую атаку.

Кошелев сам лег за пулемет, уничтожил несколько десятков гитлеровцев, рядом с ним разорвалась мина, но, и раненый, он продолжал стрелять. Не прекратил огонь и тогда, когда разрывная пуля попала в бедро. К Алексею подбежала санинструктор Фатима Додоева и ужаснулась: он был весь в крови. Пыталась сделать перевязку, да где там – лейтенанта от пулемета было не оторвать...

Осталось в роте восемь человек, четверо из них – ранены, в том числе и Кошелев. Радист старший сержант А. Шелест оставил рацию ротному, а сам с тремя солдатами перебежал по траншее, с места на место, и вел огонь с разных позиций – пусть думают фашисты, что людей на высоте еще много... Но вражеские атаки не ослабевали.

Фатима рассказывала потом, что видела, как лейтенант положил рядом с собой последнюю гранату.

Догадалась, зачем.

И вдруг с левого фланга донеслось родное русское “ура!”. Это пришел на выручку комсорг батальона старший сержант Тихон Ламко с группой бойцов. И снова гитлеровцы вынуждены были бежать.

Увидел это Кошелев и упал без сознания. Только тогда Фатима Додоева вместе с бойцами смогла вынести Алексея в укрытие».

К слову сказать, командиры стрелковых батальонов на фронте были третьими по потерям, после командиров стрелковых взводов (первые) и командиров стрелковых рот (вторые).

Немудрено, что наградные листы на Алексея Варламовича Кошелева имеют свою особенность: они конкретны, честны и по-своему красивы. Например, взять хотя бы этот:

«1.11.42 г. в бою за безымянную высоту, что юго-западнее выс. Рыбная с сильно укрепившимся противником (выстроил сеть Дзот) велись упорные бои в течение двух суток. Поступил приказ высоту взять штурмом. Противник открыл шквальный автоматно-пулеметный огонь, при поддержке минометов. 2 рота, не выдержав огня, залегла и частично начала отходить.

Комроты Кошелев бросился вперед на фашистов с криком: “Ура! За Сталина!” Бойцы поднялись и смело пошли за Кошелевым, штурмуя противника. Высота была взята.

3.11.42 г. там же в бою Кошелев был ранен и эвакуирован.

Комбат майор Кузминов
9.11.42 г.» (ЦАМО. Ф. 33.
Оп. 682525. Д. 455. Л. 176).

6

И снова мы возвращаемся к рассказу тогдашнего ПНШ-1 старшего лейтенанта А.З. Лебединцева:

«Через несколько дней капитана Осипова на должности начальника штаба полка сменил прибывший с курсов майор Ершов Василий Васильевич. Порядка представления в то время никакого не существовало. Один пришел, другой ушел – и только. Кем он был раньше, что окончил – ничего мы о нем не знали, да и он нас тоже».

Далее Александр Захарович подробно останавливается на организации штаба стрелкового полка:

«Командир полка имел штатного заместителя по общим вопросам и заместителя по политической части, ему же подчинялся и штаб во главе с начальником. Замы имели служебную категорию подполковника и оклад 1300 рублей. Начальник штаба тоже считался заместителем командира полка, и, более того, только одному ему представлялось право отдавать письменные приказания от имени командиров за своей подписью. В штабе полка имелись шесть помощников начальника штаба, сокращенно именовавшихся по номерам, от первого до шестого.

Первый помощник (ПНШ-1) – по оперативной работе. В его обязанности входило вести подсчеты боевой численности подразделений и на этой основе делать предложения об их боевом использовании. Вести запись боевых задач подразделениям при отдаче командиром устного боевого приказа. Составлять боевые донесения в штаб дивизии. Письменно оформлять все боевые распоряжения штаба от имени командира полка. Вести рабочую карту и журнал боевых действий полка. Вести учет и снабжение топографическими картами. Замещать начальника штаба в его отсутствие. Организовать службу оперативных дежурных и руководить ею. Это далеко не полный перечень его обязанностей, который сохранился у меня в памяти.

Второй помощник (ПНШ-2) являлся начальником разведки.

Третьим помощником (ПНШ-3) считался начальник связи полка.

Четвертый помощник (ПНШ-4) имел в своем подчинении двоих делопроизводителей и нескольких писарей по учету личного и конского составов. Они вели книги учета...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.